

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ ЕГО НАСЛѢДНИКОВЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Арабески.—Журнальныя статьи.—Тарась Бульба (въ первоначальномъ видѣ).—Острица.—Начальныя повѣсти.—Похожденіе Чичикова или Мертвыя души, томъ второй (въ первоначальномъ видѣ).—Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.—Авторская исповѣдь.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о. Леонтьевскій пер., № 5.

1874.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

~~~~~  
ТОМЪ ВТОРОЙ.  
~~~~~

(ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВИДѢ).

Примѣчаніе, помѣщенное въ изданіи „Сочиненій Н. В. Гоголя“, вышедшемъ въ 1857 году.

Н. П. Трушковскій, въ предисловіи своемъ къ изданному имъ впервые второму тому «Мертвыхъ душъ», говоритъ, что сочиненіе это дошло до насъ въ «*черновыихъ*, давнишнихъ тетрадяхъ, нечаяннымъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженія». Но тетрадей, заключающихъ въ себѣ продолженіе «Мертвыхъ Душъ», нельзя назвать *черновыми* въ собственномъ смыслѣ слова. Онѣ были тщательно списаны самимъ Гоголемъ съ предшествовавшей имъ черновой рукописи *) и потомъ уже исцещрены множествомъ разновременныхъ поправокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣланы цѣлые листы и страницы (рукопись — на почтовой бумагѣ листового формата), въ другихъ прибавлены новыя, или измѣнены старыя строки, фразы и слова; однѣ поправки сдѣланы при перепискѣ текста, другія — по готовой уже рукописи; однѣ — единовременно, другія — въ нѣсколько пріемовъ и разными чернилами: черными, блѣдными, рыжими, а мѣстами и карандашомъ. Изъ всего этого видно, что

*) Кромѣ послѣднихъ листовъ, которые переписаны наскоро или написаны начерно.

Гоголь много разъ принимался исправлять и передѣлывать свое сочиненіе. Для насъ очевь интересно знать, какъ Гоголь поправлялъ у себя то, чѣмъ онъ оставался нѣкоторое время доволенъ, и поэтому я рѣшился напечатать второй томъ «Мертвыхъ Душъ» въ двоякомъ видѣ: сперва такъ, какъ онъ былъ переписанъ набѣло рукою Гоголя, а потомъ (сколько было возможно) въ томъ видѣ, въ какомъ Гоголь желалъ представить его публикѣ.

II. Кулишъ.

Глава I.

Зачѣмъ же выставлятъ на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-жь дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы избражать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись, извиваясь, горныя возвышенія. Точно какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидною выпуклостію, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревьевъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще уцѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь, въ луга, за тѣмъ, чтобъ, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ роши березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревьевъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и кленъ, и груша,

и низкорослый ракитникъ. и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмѣлемъ; тутъ мелькали крышки господскихъ строений, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этою кучей деревъ и крышъ старинная церковь возносила свои пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золотые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпями прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали сверкало какъ бы на воздухѣ ни къ чему не прикрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревъ, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавались въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, одни стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ бы разсматривали это изображеніе, которымъ не могли налюбоваться во все продолженіе своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на равнины и отдаленья былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель: у него захватывало въ груди; онъ могъ только произнести: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ море, или туманъ, далеко разлившійся. За лѣсами, сквозь мгlistый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ мѣлкія горы, блиставшія ослѣпительно даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами мелькали какъ бы дымившіяся туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ рассмотреть человѣчскій глазъ, — только вспыхивавшая, подобно искрѣ, золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селеніе. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель, и послѣ какого-нибудь двухъ-часоваго созерцанія

издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: «Силы небесъ, какъ здѣсь просторно?»

Кто же былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подѣхать отсюда. и нужно было подѣзжать съ другой стороны—полями, хлѣбами и, наконецъ, рѣдкою дубровой, раскинутой картинно по землѣ, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома,—кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому, тридцати-трехъ-лѣтнему счастливцу, коллежскому секретарю, неженатому-холостому человѣку.

Что же за человѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тентетниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ спросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи отставныхъ штабъ-офицеровъ-брацдеровъ, выражался о немъ лаконическимъ выраженіемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при....» Генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: «Да вѣдь чинишка на немъ—дрянь; а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Словомъ, общественное мнѣніе о немъ скорѣй было неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А между тѣмъ въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто—коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые копятъ небо, то почему-жъ и Тентетникову не копитъ его? Впрочемъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судить читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго еще спялъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же,

какъ на бѣду, были довольно маленькіе, то потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомошкой и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, а баринъ все еще протиралъ глаза; отправлялся потомъ на кухню, потомъ вѣновь приходилъ.—баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ, выходилъ въ гостиную за тѣмъ, чтобы пить чай, кофе, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, крошивая хлѣба безжалостно и насорпывая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа проспанивалъ онъ за чаемъ, и этого мало; онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, отяослвшійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ:— Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность ты этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только.

— Ужъ тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло! вскрикивала ничтожность или Перфильевна.

— Да вѣдь съ тобой никто не ужвется; вѣдь ты и съ прикащикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная! ревѣлъ Григорій.

— Да и прикащикъ—воръ такой же, какъ и ты! вскрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно.—Вы оба пьюшіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ!

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ глядитъ у окна; онъ все видитъ.

И точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрецину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голоспло и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣшало барину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Цвановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ за тѣмъ, чтобы заняться серьезно и дѣйствительно. Занятіе было точно серьезно. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе это долженствовало объять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданныя ей временемъ, и опредѣлить ясно великую ея будущность, — словомъ, большаго объема; но, покуда, оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки и потомъ все это отдвигалось на сторону, бралась, на мѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофія съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, ужъ я сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И такъ проводилъ время одинъ-одинешенекъ въ цѣломъ мірѣ молодой тридцати-трехъ-лѣтній человѣкъ, сидень сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ—взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна за тѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала читатель можетъ видѣть, что Андрей Цвановичъ Тентетниковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена—увальни, лежебокп, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ, это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, рассказать исторію дѣтства и воспитанія Андрея Цвановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ или несчастнымъ случаемъ попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директоромъ

человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, несмотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желалъ загладить сдѣланную пакость и проступокъ. Толпа его воспитанниковъ съ виду казалась такъ шаловлива, развязна и жива, что иной принялъ бы ее за необузданную вольницу. Но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не рассказалъ всего, что ни напроказилъ. Малѣйшее движеніе ихъ помысленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе. Честолюбіе называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка, безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе, и въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. Онъ были ему нужны за тѣмъ, чтобы видѣть, что такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временныя припадки и сыпи, показывающіяся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, желая узнать достоверно, что заключено внутри человѣка.

Учителей у него было немного: бѣольшую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессоры, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ долженъ заняться преимущественнѣе.

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить, что доволь-

но для нихъ, если приучились быть терпѣливыми, работающими исполнителями, не приобретаая заносчивости и всякихъ видовъ ~~вда~~. «Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться», обыкновенно говорилъ онъ. Въ этомъ курсѣ (былъ) совершенно другой Александръ Петровичъ и съ перваго разу возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простаго ума, теперь потребуеъ ума высшаго, — не того ума, который умѣетъ подтрунивать надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынести всякое оскорбленіе. Здѣсь-то сталъ онъ требовать того, что другіе требуютъ отъ дѣтей, — спустить дураку, не раздражаться. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человекъ, — вотъ что называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человека гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ впереди человека на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченія и преграды, какія только воздвигаются человеку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ ними во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе не радужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено; оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ* — это чудное словцо, такъ знакомое Руси, производящее такіа чудеса надъ русскимъ человекомъ, — то ли, другое ли, но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй, Изъ этого

курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпкіе, были обкуранные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили все, или же, обезумѣвъ и опустившись, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александромъ Петровичемъ не только не пошатнулись, но познаніемъ челоуѣка и души возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученія не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, — вдругъ несчастіе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкій трепеть, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Федоръ Ивановичъ, челоуѣкъ добрый и старательный, но совершенно другаго взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, рассадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, а умнымъ — оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что если челоуѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтѣтъ его умному. Но именно того-то и не получилъ Федоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ. Все было въ струнку днемъ, а по ночамъ — кутежи.

Въ большомъ курсѣ онъ тоже переверотилъ все вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями, завелъ онъ всякія нововве-

денія—и все не въ-попадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованіе за новыми открытіями, но, увы, не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло наыворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть Оедькой, булкой и другими разными именами; завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, несмотря на строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу, одну на восемь человѣкъ. Его не увлекли также и другія шалости, доходившія до кошунства и насмѣшекъ надъ самою религіей изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденія въ церковь и попался плохой священникъ. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на кафедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который не горячась умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ химію и философію и профессоромъ (былъ) углубленъ во всѣ тонкости политическихъ наукъ, (слушалъ) и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ; но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что все не такъ должно преподаваться, а какъ—не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось (сильнѣе). Онъ горилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги». И

по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло—въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что ни въ министры, ни въ государственный совѣтъ нельзя попасть, не пріобрѣтя прежде хорошаго почерка; а Тентетниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: «Писала сорока лапой, а не чело-вѣкъ». Съ большимъ трудомъ и съ помощію протекцій, прове-дя два мѣсяца въ калиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ мѣ-сто списывателя бумагъ въ какомъ-то департаментѣ. Когда, взо-шелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированны-ми столами сидѣли пишущіе господа, шумя перьями и накло-няя голову на бокъ, и когда посадили его самого, предлага ему тутъ же переписать какую-то бумагу,—необыкновенно стран-ное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, за тѣмъ чтобъ съизнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа пока-зались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ чи-тали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣ-ла, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи на-чальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно-поте-рянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятія ученіемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ ученіемъ. Какъ это учебное приготовленіе (къ службѣ) казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мыс-ляхъ, какъ живой, его ни съ кѣмъ несравненный чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники, и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнія. «Нѣтъ», сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись, «примусь за дѣло, какъ бы оно ни ка-

залось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ неслаженій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещить по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо смотритъ вверху окошко, гдѣ-нибудь даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградила Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тентетниковъ свыкнулся со службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлю, какъ онъ полагалъ-было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему лучшимъ распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ-было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича попалось два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованія подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя прежде онъ и не думалъ обращать вниманія. Федоръ Федоровичъ Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленія, въ которомъ онъ числился, человекъ, наипрїятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостат-

ковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезчуръ много сахару, когда говорилъ съ вышшимъ, и тутъ же, оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. «Я бы ему простилъ», говорилъ Тентетниковъ, «если бы эта перемѣна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ и уксусъ въ одно и то же время!» Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ его. Ему казалось, что и важничалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже черезчуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, даже мстилъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чувствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ наискивался на это съ какимъ-то наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства—или просить извиненія, или выходить въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій: «Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что это ты дѣлаешь? оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!... Что-жь это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!»

— Не въ томъ дѣло, дядюшка, сказалъ племянникъ.—Мнѣ не трудно попросить у него извиненья; это тѣмъ болѣе, что я точно виноватъ. Онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій—дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ; званіе это

также не бездѣлица. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работающихъ подданныхъ, — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленія: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: «Но всё же таки.... но какъ же таки.... какъ же запропаститъ себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь всё-таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генераль, или князь. Захочешь — и самъ пройдеши мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдешь взглянуть; а вѣдь тамъ, что ни попадетъ, все это или мужикъ, или баба. За что-жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?»

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генераль, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержаніе, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно за тѣмъ, чтобы затеревить честолюбіе и подѣйствовать на воображеніе молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тентетниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоѣдать. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство.

Какъ стало все припоминаться, какъ забилося его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже вблизи отцовской деревни! Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглухнувшаго лѣса и онъ

увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ объѣмъ, въ перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоремъ, перероставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: чей лѣсъ, ему сказали: Тентетникова; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мѣстами въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влево отъ себя, и когда на вопросъ: чьи луга и поемныя мѣста, отвѣчали: Тентетникова; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности—съ одной стороны мимо не снятыхъ хлѣбовъ пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревьевъ, размѣстившихся въ-разсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирпичныя избы мужиковъ и крытыя красными крышами господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало, — ощущенія и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись наконецъ почти такими словами: «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, принцемъ, а я закабалилъ себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, сдѣлавши порядочный запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣждѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого что жъ?—переписыванье бумагъ, что можетъ, вмѣсто меня, несравненно лучше производить ничему не учившійся кантонистъ!» И еще разъ далъ себѣ названіе дурака Андрей Ивановичъ Тентетниковъ.

А между тѣмъ ожидало его другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населенье всей деревни собралось къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣ-

лыя какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли: «Кормилецъ, дождались мы тебя!» Бабы заголосили: «Золото, серебро ты сердечное!» Стоявшіе подалѣе даже подрались отъ усердья продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: «Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденкой! изморила тебя окаянная Нѣмчурра!»—«Пошла ты баба!» закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ. «Ишь куда полѣзла, корявая!» Кто-то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронуть былъ глубоко въ душѣ своей. «Столько любви! и за что?» думалъ онъ въ себѣ. «За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами трудъ и заняться вами! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша,— чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, 'чтобъ я точно былъ кормилецъ вашъ»!

И дѣйствительно, Тентетниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ, что прикащикъ былъ точно баба и дуракъ со всѣми качествами дрянного прикащика, то-есть велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ, и въ прибавленіе ко всему—подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на жизнь свою. Дурака прикащика онъ выгналъ и на мѣсто его выбралъ другого, бойкаго. Оставивъ мелочи, обратилъ вниманіе на гланная части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работъ на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наиотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, упристаніи, пригрузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ. «Да онъ, вишь ты, востроногой!» стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долго-

временнаго бабьяго управленія они всё порядочно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хоть и прытокъ, и есть, въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслить, говоритъ какъ-то черезчуръ грамотно и затѣйливо, мужику не въ-долбежь и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тетениковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, несмотря на всё льготы. Попробовалъ онъ укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгодѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли. По чапорухѣ водки приказали подать». Что было на это возражать?—«Да отчего-жъ теперь вышло скверно?» допрашивалъ баринъ.—«Кто его знаетъ! видно, червь подѣдалъ внизу! Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было». Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягости барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужьевъ, умножатъ огороды. Не тутъ-то было. Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-

бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ нея!» Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ гадкихъ наворочивала на себя тряпокъ, — ужь откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть. «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ молхъ подальше!» говорилъ бѣдный Тентетниковъ и вслѣдъ за тѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба, тутъ же вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, несмотря на свою хворость, такъ отламывала ей бока, какъ не съумѣетъ и здоровый мѹжикъ. Вздумалъ онъ было какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ, — лучше-бъ было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвеніе и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманія: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманіе шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденіе подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынь — разумѣется птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынь, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперекъ въ носу, раздумывая, глотать или не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ видѣнъ былъ другой мартынь, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ. Ему не было дѣло до того, лѣниво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, представлялъ онъ обонянію впитать запахъ полей, а слуху — поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно ~~сто~~ всюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ друга: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по неби-

димой воздушной лѣстницѣ сыплется трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей несущихся въ сторонѣ вереницею, точно звонъ серебряныхъ трубъ, слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся пустынивоздушной. Вблизи ли производилась работа—онъ былъ вдали онъ нея; была ли она вдали—его глаза отыскивали, что́ было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика; который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, представленную ему товарищемъ. Наконецъ и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комнаты и пересталъ принимать къ себѣ, даже съ докладами, прикащика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусарь-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращеніе, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними разнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наипрїятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, прїѣхалъ къ нему за тѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоящія финансовъ въ Англіи, онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться предъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: скотина! а другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто. Уединеніе полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а мысль—обдумыванію большого сочиненія о Россіи. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имяпрежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на вид-

номъ поприщѣ государственной службы, или приносившаго по-
сильную дань наукамъ и образованію всемірному, тайная, ти-
хая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-
грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась не-
вольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ
необыкновенною силой воскресало предъ нимъ школьное мину-
вшее время и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Пет-
ровичъ.... Градомъ лились изъ глазъ его слезы и рыданія про-
должались почти весь день.

Что значили эти рыданія? Обнаруживала ли ими болѣющая
душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образо-
ваться и укрѣпить начинавшій въ немъ строиться высокій
внутренній человѣкъ; что, не испытанный заранѣе въ борьбѣ
съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвы-
шаться и крѣпить отъ преградъ и препятствій; что, расто-
пившись, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ вели-
кихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь, безъ
упругости, бессильна его воля; что слишкомъ для него рано
умеръ чудный, необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь
никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и
поднять шатаемые вѣчными колебаніями силы и лишенную уп-
ругости, или слабую, немощную волю, — кто бы крикнулъ жи-
вымъ, пробуждающимъ голосомъ, крикнулъ душѣ пробуждаю-
щее слово: *впередъ*, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ сту-
пеняхъ стоящей, всѣхъ сословій, званій и промысловъ, рус-
скій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей
умѣлъ бы намъ сказать всемогущее слово: *впередъ*; кто, зная
всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ
чародѣйскимъ мановеніемъ можетъ устремить на высокую жизнь
русскаго человѣка? Какими слезами, какою любовью заплатилъ
бы онъ ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сид-
ней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рож-
дается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее
слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тен-

тетникова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ-то свелось на ничто. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тентетниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосоломъ, любилъ, чтобы сосѣди прїѣзжали изъяслять ему почтенію; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почестъ какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣніемъ, — дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда, и онъ рѣшительно ни на что не годится. Имя ей было Улицька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Она была милостивѣй, чѣмъ красавица, — лучше, чѣмъ умна, — стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что (такого) профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камняхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Еслибы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ своимъ отцомъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ у нея былъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости, или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, еслибы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себѣ платье для перезязки, еслибы онъ былъ раненъ! Было въ ней что-то стремитель-

ное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженъе лица, выраженъе разговора, движенъе рукъ; самыя складки платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никогда сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступило бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее, что случилось это во дни незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ-то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка. Андрей Ивановичъ Тентетниковъ не могъ бы никакъ рассказать, какъ это случилось, что съ перваго же дня онъ сталъ съ ней такъ, какъ бы знакомъ былъ вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновение озарилась. Халать на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати, не такъ долго стоялъ Михайло съ рукою и нѣмкомъ въ рукахъ. Растворились окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ предъ плѣнительными видами на отдаленья. Генералъ принималъ сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно; но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ не совсѣмъ любилъ противорѣчія и возраженія, хотя въ то же время любилъ поговорить о томъ, чего не зналъ, любилъ даже и о томъ, чего не зналъ вовсе. Тентетниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы,

графиня Бордырева и княжна Юзякина: одна—вдова, другая—старая дѣва, обѣ фрейлины прежнихъ временъ, отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностію своею, но однако же имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ, и предъ которыми генераль немножко даже подличалъ. Тентетникову показалось, что съ самага дня пріѣзда ихъ генераль сталъ къ нему какъ-то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался какъ съ лицомъ бозсловеснымъ, или съ чиновникомъ, употребляемымъ для порученій самыхъ мелкихъ. Онъ говорилъ ему то *братецъ*, то *любезнѣйшій*, и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты*. Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ и все внутри кипѣло: «Я долженъ благодарить васъ, генераль, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамиліарному между нами обращенію». Генераль смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* (было имъ сказано) не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было предъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за тѣмъ сумерки стали еще сумрачнѣе. Байбакъ съизнова залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило съизнова на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и беспорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ, предъ диваномъ, лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Безсо-

знательно чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телѣги, тройки, или же выписывалъ *Милостивый Государь!* съ восклицательнымъ знакомъ, всѣми почерками и характерами. Иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкою пряцью волосъ, упавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ бы летѣвшую, — и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, что выходитъ портретъ той, которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще грустнѣе становилось ему потомъ, и вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тейтетникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ въ дворѣ движеніе и суету. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота, и въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь какъ лѣпятъ или рисуютъ на триумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налево, морда посрединѣ. Свыше ихъ на козлахъ — кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подвязанный носовымъ платкомъ. За ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная бричка. Господинъ приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе-то философы изъ гусаръ, да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута, и масона, и карточного игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно-обширною цѣлію — доставить счастье всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась

огромная, пожертвованія собирались съ великодушныхъ членовъ..... Куда это все пошло—зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятели, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые отъ чаштыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и прогресса, сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тентетниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей. А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тентетниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ. На совѣсти было у него не совсѣмъ ловко, и теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ легкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы нѣсколько на бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря о красотѣ мѣстъ, обилии промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картинностію мѣстоположенія его деревни; что, несмотря, однакоже, на картинность мѣстоположенія, онъ не дерзнулъ бы никакъ беспокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, еслибы не случилось что-то брискѣ его, требующее искусной руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, еслибы даже и ничего не случилось въ его брискѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему личное свое почтеніе. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительною пріятностію, подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи за тѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія, или да-

же предметы ископаемые. Онъ изъявилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія вольтеровскія (кресла) и приготовился слушать его рассказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ и естественныхъ предметахъ.

Гость, однакоже, коснулся событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще рассказалъ онъ такого, изъ чего Тентетниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключеніе всего онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подъ-часъ попадается въ оркестръ такая пройдоха-труба, которая какъ хватить, покажется, что крякнуло не въ оркестръ, но въ собственномъ ухѣ. Такой точно звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ послѣдовало благоуханіе одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутіемъ батистоваго носоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ и другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ; какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поустарѣлъ и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличье, обхожденіе остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣ-

лѣй и чище были на немъ воротнички и манишка, и несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ,—хоть на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ развѣ только слѣпой могъ не любоваться пріятною выпуклостью и круглотой ихъ.

Въ домѣ произошло преобразование. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заключенными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночнаго туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ..... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный—передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами у стѣны, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны старые и новые подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака (Жилеты же бѣлаго пике и лѣтніе брюки отошли къ бѣлью въ комодъ). Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху шелковымъ носовымъ платкомъ. Въ другомъ углу между дверью и окномъ выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги совсѣмъ новые, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шкатулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ—портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье все помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по епростаньи его, былъ тоже подсунуть подъ кровать. Сабля помѣстилась то-

же въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Та и другая комната пріняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перушка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился. Въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибюльномъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣспилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенія были напрасны. Гость показалъ необыкновенно-гибкую готовность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на бібліотеку и отозвавшись съ похвалою о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ немного, но значительныхъ. Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати. Во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, на примѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же просто по ней барабанилъ пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни се. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. «Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить», говорилъ про себя Тентетниковъ. «Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами

есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться,—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ единственный человѣкъ, котораго я вижу!» Такъ отзывался Тентетниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяць, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморoidalномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшей уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Что яркости въ зелени! что свѣжести въ воздухѣ! что птичьяго крика въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ въ овраги, едва начинавшіе убираться листьями лѣсовъ, усѣянныхъ вороньими гнѣздами,—деревя и узкая просинь чернѣли, оглушаемая карканьемъ воронъ, разговорами галокъ, играньями грачей, перекрестными летаньями помрачавшихъ небо; или же спускался внизъ къ поемнымъ мѣстамъ и разорваннымъ платинамъ — глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась вода повергаться на мельничныя колеса; или же пробирался далѣе къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы—глядѣть, какъ свѣжая орань черною полосой проходила по землѣ, или же, какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Толковалъ и говорилъ съ прикащикомъ—и что, и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и на сколько хлѣба у нихъ продается, и что выбираютъ весной и осенью за

умолю муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормить свинью, — словомъ, все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незavidно идетъ хозяйство у Тептетникова. Повсюду опущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ себѣ: «Какая, однакоже, скотина Тептетниковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить по малой мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ годоваго доходу!» И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ: «Рѣшительная скотина!» Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабѣнка, можетъ быть даже изъ купческаго сословія, впрочемъ, однакоже, образованная и воспитанная такъ, какъ дворянка, — чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ уже идти противу общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью или призракомъ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, на примѣръ, чинъ почтенный и уважительный.... И много приходило ему въ голову того, что такъ часто уносить человѣка отъ скучной настоящей минуты, теревить, дразнить, шевелить его и бываетъ ему любо даже и тогда, когда онъ увѣренъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людымъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень хорошо съ буфетчикомъ Григорьемъ, хотя сначала они

важничали и надувались другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустиль Григорью пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ, но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинуль ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ, кончилось между ними самою тѣсной дружбой. Дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было «Акулька». Въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои, или то, что называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другаго рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ было трудно найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя; у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо рдѣющій вечеръ, и тихо помръкала вокругъ окольность, и далече за рѣкой отдавался вѣрныи огголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ и на-яву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки и движется онъ въ хороводѣ... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: «Проклятыя дѣвки!»

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище — коренной, и пристяжной каурой масти, называемый застѣдателемъ, и самый чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: «попонецъ-лошадь». нашли пребыванье у Тентетникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыки вѣчно

удобнымъ. У всякаго стойло, хотя отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, еслибы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, фантазія вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились какъ дома. Читатель, можетъ-быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета. Еслибы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ. Тентетниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего, и отчего, и почему.... «Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ другаго конца». Такъ думалъ Чичиковъ; раздобаривая по-часту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину.... Но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ отъ такъ: «У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только не достаетъ». — «Чего?» спросилъ тотъ, выпускаая кудреватый дымъ. — «Подруги жизни», сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться». Хоть бы слово сказалъ на это Тентетниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа у

Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливецемъ, Павелъ Ивановичъ», и рассказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тентетникову и заключилъ: «Да онъ, просто, круглый дуракъ!»

— Андрей Ивановичъ, помилуйте! сказалъ онъ наконецъ, взявши его за обѣ руки, — какое-жъ (тутъ) оскорбленіе? что-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, сказалъ Тентетниковъ, — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. *Ты*—это значитъ: помни, что ты дрянъ, я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога. Вотъ что это значитъ!—Говоря это, смиренный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, — что-жъ тутъ такого? сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! сказалъ Тентетниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову, — вы хотите, чтобъ я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ! сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ про себя Тентетниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!» подумалъ про себя Чичиковъ.

— Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да впрочемъ, почему-жъ этого и не позволить заслуженному, почетному человѣку?

— Это другое дѣло, сказалъ Тентетниковъ.—Еслибъ онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генераль, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.

«Онъ совсѣмъ дуракъ!» подумалъ про себя Чичиковъ. «Оборвышу позволить, а генералу не позволить!»—Хорошо, положимъ, онъ васъ оскорбилъ, за то вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка, помилуйте, на что же это похоже? какъ же оставлять дѣло, которое только-что началось? Если избрана цѣль, тутъ нужно идти на-проломъ. Что тутъ глядѣть на то, что человекъ плюется! Человекъ всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человека въ свѣтѣ, который бы не плевался.

Тентетниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думалъ про себя: «Престранный, однакожъ, человекъ этотъ Чичиковъ!»

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тентетниковъ!» думалъ между тѣмъ Чичиковъ.—Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло, сказалъ онъ вслухъ.—Я могу съѣздить къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ! сказалъ сильно Тентетниковъ.

— Сохрани Богъ подличать! сказалъ Чичиковъ и перекрестился.—Подѣйствовать словомъ увѣщанія, какъ благоразумный посредникъ, но подличать.... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желаніе и преданность я даже не ожидалъ, чтобы слова (мои) принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!

— Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ! сказалъ тронутый Тентетниковъ, схвативши признательно обѣ его руки.—Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины, сказалъ Чичиковъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Тентетниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

— Засвидѣтельствовать почтеніе, сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ Тентетниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!» подумалъ Чичиковъ.

— Такъ какъ моя бричка, сказалъ Чичиковъ, не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, эдакъ около десяти часовъ, къ нему съѣздить.

— Помилуйте, что за просьба! Вы — полный господинъ, выбирайте какой хотите экипажъ, и все въ вашемъ распоряженіи.

Они простились и разошлись спать, не безъ размышленія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ ловкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтеніе генералу, — Тентетниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущеніе нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное старанье! Отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклеивались къ нему въ голову. «Странное состояніе!» сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась, не успѣвшая улечься, пыль, поднятая уѣхавшею коляской. Но оставимъ Тентетникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

Глава II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣ-

бами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья, и наконецъ широкою аллеей раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню. Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво великолѣпный рѣзной фронто́нъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь колоннъ съ коринѳскими капителями. Пахнуло повсюду масляною краской, которою безпрерывно обновляли все, ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеніемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ къ генералу.

Генералъ поразилъ его величественною наружностью. Онъ былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Открытый взглядъ, лицо мужественное, баккенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ называемая въ три этажа (три складки съ трещиной поперекъ), голосъ—басъ съ нѣкоторою охрипью, движенія генеральскія. Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшныя, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Самопожертвованіе, великодушіе, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому—изрядная подмѣсь себялюбія, честолюбія, самолюбія, мелочной щекотливости личной и многого того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, явилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженіе и видѣлъ во

всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генераль былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ оиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такою неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго движенія въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженіе и робость. Наклоня почтительно голову на бокъ, началъ онъ такъ: «Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движеніе головою, онъ сказалъ:—
Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

— Поприще службы моей, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не по срединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресель, — началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченіе оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ, былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможенѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣнни, можно сказать, выросъ, терпѣніемъ воспоненъ, терпѣніемъ спеленанъ, и самъ,

такъ сказать, не что другое, какъ одно терпѣніе. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова, ни кисти, ни краски не съумѣютъ передать. Теперь же, на вечеръ, такъ сказать, жизни моей, ищу уголка, гдѣ бы провестъ остатокъ дней. Приостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаевается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...

— Въ чему уваженья?

— Въ заслугамъ вашего превосходительства, сказалъ Чичиковъ. — Не находитъ словъ, не знаетъ, какъ загладить проступокъ. Говоритъ: «Еслибъ я только могъ передъ его превосходительствомъ чѣмъ-нибудь.... потому что точно», говоритъ, «умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество», говоритъ....

— Помилуйте, что-жь онъ?... Да вѣдь я не сержусь! сказалъ смягчившійся генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человекъ.

— Совершенно справедливо извоили выразиться, ваше превосходительство. Преполезный человекъ, съ даромъ слова и владѣетъ перомъ.

— Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки....

— Что-жь такое?

— Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію! о чемъ исторію?

— Исторію... тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: — исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ гене-

ралахъ, сказалъ Чичиковъ и самъ подумалъ: «Что это я за вздоръ такой несу!»

— Извините, я не очень понимаю... что-жь это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Точно такъ. ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году! сказалъ Чичиковъ.

— Такъ что-жь онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣетъ, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ-за какого-нибудь пустаго слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: «Генералы пришли, однакоже, кстати! между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтунъ съ-дуру.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзнаго шкафа отворилась сама собой. На обратной половинѣ растворенной двери, ухватившись чудесною рукой за ручку двери, явилась живая фигурка. Еслибы въ темной комнаткѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнью фигурка, которая тѣсно предстала за тѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ и потолокъ, и карнизъ, и темные углы ея. Она казалась блистающаго роста. Это было обольщеніе, происходившее отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было наброшено съ такимъ (вкусомъ), что казалось—швей столицъ совѣщались между собою, какъ бы лучше убрать ее. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собой; въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила неизрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барыш-

ни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками. Несмотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ на нее какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно—недостатокъ толщины.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! сказалъ генераль, обращаясь къ Чичикову.—Однакожь я вашего имени и отчества до сихъ поръ не знаю.

— Впрочемъ, должно ли быть знаемо имя и отчество человека, не ознаменовавшаго себя доблестями? сказалъ Чичиковъ.

— Все же, однакожь, нужно знать...

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, проговорилъ Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на бокъ.

— Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тентетниковъ совсѣмъ не такой глупый человекъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась.—Да кто же думалъ, что онъ глупый человекъ? проговорила она быстро.— Это могъ думать развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, папа, который и пустой, и низкій человекъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустовать, это правда, сказалъ генераль.

— Онъ подловать и гадковать, не только-что пустовать, подхватила живо Улинька.— Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человекъ!...

— Да вѣдь это рассказываютъ только.

— Рассказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрейшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человека, о которомъ самъ знаешь, что онъ дурень, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться.

— Душа моя! вѣдь мнѣ же не прогнать его, сказалъ генераль.

— Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!

— А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство, сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы и пріятной улыб-

кой:— По христiянству, именно такихъ мы и должны любить. И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже не столько плутоватой: — Изволи ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что такое *полюби насъ черненькими, а блѣненькими насъ всякій полюбитъ?*»

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А это преказусный анекдотъ, сказалъ Чичиковъ съ плутоватою улыбкой. — Въ имѣннiи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнiя, ваше превосходительство, изволите знать....

— Не знаю!

— Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и проч. имѣлъ онъ надобность прiѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ и они тоже полюбили, угощали его, такъ что одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: «Что-жъ, господа! когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣнiе къ князю». Говорятъ: «Прiѣдемъ!» Скоро послѣ этого случилось выѣхать суду на слѣдствiе, по дѣлу, случившемуся во владѣнiяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнiя, тоже изволите знать.

— Не знаю!

— Самого-то слѣдствiя они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическiй дворъ, къ старому графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу въ карты. Самоваръ, пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: «Вы бы, господа, заѣхали къ княжескому управителю нѣмцу: онъ недалеко отсюда». — «А и въ самомъ дѣлѣ», говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги да и къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только-что женился. Женился на институткѣ, молоденькой, субтильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность). Сидятъ они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери—и ввалилось сонмище.

— Воображаю—хороши! сказалъ генералъ, смѣясь.

— Управитель такъ и оторопѣлъ. Не нашелся, потерялся и говоритъ: «Что вамъ угодно?» — «А!» говорятъ, «такъ вотъ какъ!» и вдругъ, съ этимъ словомъ, перемѣна лицъ и физиогномій... «За дѣломъ! Сколько вина выкуривается по имѣнію? покажите книги!» Тотъ сюды-туды. «Эй, понятыхъ!» Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ.

— Вотъ на! сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

— Жена хлопотать! продолжалъ Чичиковъ. — Ну, что-жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посоветовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: «Не стыдно ли тебѣ такъ поступать съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

Генералъ расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

— Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться! сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ ея прекрасный лобъ... — Безчестнѣйшій поступокъ, за который я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услатъ...

— Другъ мой, я ихъ ни чуть не оправдываю, сказалъ генералъ: — но что же дѣлать, если смѣшно! Какъ бишь? «полюби насъ бѣленькими....»

— Черненькими, ваше превосходительство, подхватилъ Чичиковъ.

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха, ха, ха, ха! И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву е: хе, хе, хе, хе! и туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

— Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ! говорилъ генераль, продолжая смѣяться.

— Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу—тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились, говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустила въ кресла и, закрывъ рукой прекрасные глаза, какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ подѣлиться негодованіемъ, сказала она: «Я не знаю, меня только беретъ досада».

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностію тѣ чувства, которыя были въ сердцахъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость нѣмца; другому смѣшно было, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что значить, однакоже, что и въ паденіи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревенящую кору мерзостей, еще вопіющій: «Братъ, спаси!» Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

— Я не знаю, говорила Улинька, отнимая отъ лица руку, — меня только досада беретъ.

— Только пожалуйста не гнѣвайся на насъ, сказалъ генераль. — Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня? сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ Чичику.

— Если только ваше превосходительство....

— Безъ церемоніи. Щи есть!

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. На мѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и баккенбардахъ, великанъ-каммердинеръ, съ серебряною лоханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ? сказалъ генералъ, скидая халагъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

— Помилуйте, не только одѣваться, но можете совершать при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству, сказалъ Чичиковъ.

Генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Какъ бишь? сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею, — «полюби насъ бѣленькими...»

— Черненькими, ваше превосходительство.

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбить. Очень, очень хорошо!

Чичиковъ былъ въ духѣ необыкновенномъ. Онъ чувствовалъ какое-то вдохновеніе. — Ваше превосходительство! сказалъ онъ.

— Что? сказалъ генералъ.

— Есть еще одна исторія.

— Какая?

— Исторія тоже смѣшная, но мнѣ-то отъ ней не смѣшно, даже такъ, что если ваше превосходительство...

— Какъ такъ?

— Да вотъ, ваше превосходительство, какъ!... Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и увидя, что камердинеръ съ лоханкою вышелъ, началъ такъ: — Есть у меня дядя, дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И такой странный приводитъ резонъ: «Я, говорить, племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ, пусть пріобрѣтетъ самъ собой триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

— Какой дуракъ!

— Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе. Тутъ Чичиковъ, понизивши голосъ, сталъ говорить какъ бы по секрету: — У него

въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри. все перейдетъ имъ.

— Выжплъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего. сказалъ генералъ. — Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить.

— Я придумалъ вотъ что. Теперь, покуда новыя ревизскія сказки не поданы у помѣщиковъ большпхъ имѣній, наберется не мало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ, если, на примѣръ, ваше превосходительство передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ бы они были живыя, съ совершеніемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику и онъ, какъ ни вертись, а наследство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Папа, что съ тобой случилось?

— Ничего, мой другъ. Ступай къ себѣ, мы сейчасъ явпмся обѣдать. Ха, ха, ха, ха!

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силой генеральскій хохотъ, раздаваясь, отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покоехъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

— Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на этакую штуку. Ха, ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ дядя! Ха, ха, ха, ха!

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи. Тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

— Ваше превосходительство. вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы, сказалъ онъ.

— Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пять-сотъ-тысячъ далъ за то только, чтобы посмотреть на твоего дядю въ то вре-

мя, какъ ты поднесешь ему купчую на мертвыя души. Да что, онъ слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?

— Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это кейное, я бы...чтобы... Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на камердинера.

— Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ, сказалъ генералъ камердинеру. Усачъ удалился.

— Да, ваше превосходительство...это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ держать его въ секретѣ.

— Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старый! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?

— Держится, но съ трудомъ.

— Экой дуракъ! И зубы есть?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой осель! Ты, братецъ, не сердись...вѣдь онъ осель.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Хотя онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаться въ этомъ, но дѣйствительно—осель. Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.—Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...

— Чтобъ отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! Ха, ха, ха, ха! И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ ¹⁾).

¹⁾ *Примечаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь въ пущеное примечаніе генерала Бетрищева съ Тешетниковымъ, обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ, помозьба Улиньки за Тешетникова, молитва ся и плачь на гробѣ матери, бесѣда помозьбленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помозьбѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву.

Глава III.

«Нѣтъ, я не такъ». говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, «нѣтъ, я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поварь, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ копцами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородіе». Эй ты— дурачина!

Селифанъ и Петрушка оглянулись оба съ козелъ.

— А куда ты ѣдешь?

— Да какъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ, — къ полковнику Кошкареву, сказалъ Селифанъ.

— А дорогу разспросилъ?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго конюха только видѣлъ... а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку сказано — не полагаться: Петрушка — бревно.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая, сказалъ Петрушка, глядя искоса: — окромѣ того, что, спускаясь съ горы, взять попрямымъ, ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперъ налимонился?

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно.

— Въ коляскѣ-съ хорошо-съ ѣхать, сказалъ Селифанъ, оборотившись.

— Что?

— Говорю, Павелъ Ивановичъ, сти хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ,—не трясеть.

— Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этотъ. Селифанъ хлестнулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ:—Слышь, баринъ полковникъ Кошкаревъ мужика одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмца; поодаль и не узнаешь,—выступаетъ по-журавлиному, какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ, какъ бываетъ, пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ такой, какъ нѣмки, знашь, въ капорахъ,—такъ капоръ теперь называется, знашь, капоръ—нѣмецкій такой капоръ.

— А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ капоръ! сказалъ Петрушка, острясь надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись. Но что за рожа вышла изъ этой усмѣшки! И подобія не было на усмѣшку. Точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и слясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, потомъ и остался въ положеніи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что тамъ дѣлается, и сказалъ:—Хорошъ! а еще воображаетъ, что красавецъ! Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ серьезно былъ увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній временами позабывалъ, есть ли у него даже рожа.

— Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ, сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ,—чтобы выпросить у Андрея Ивановича другаго коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлець-лошадь и помѣха.

— Пошелъ, пошелъ, не болтай! сказалъ Чичиковъ и про себя подумалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался».

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подчасъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски и проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога шла лугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали выступали карти-

нами одна изъ-за другой осиновыея роши; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударяшіе вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузь. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что это дальше не случится. Деревья же становились гуще. Къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели. Все казалось, готовилось превратиться въ ночь. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро, или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть, слышались крики—и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ, вокругъ дерева, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плавалъ, проворно кричалъ и хлопоталъ за всѣхъ круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и толщину, круглый кругомъ, точный арбузь. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть и какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы все его выносила на верхъ, и еслибы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая, пуская носомъ и ртомъ пузыри.

— Этотъ, Павелъ Ивановичъ, сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ,—долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ.

— Отчего?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Крики между тѣмъ становились явственнѣе. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузь: «Передавай, передавай, Денисъ, Козьмъ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Оома Большой, напирай туда же, гдѣ и Оома Меньшой! Заходи справа, справа

заходи! Стой, стой, чортъ васъ побери обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйстви-тельно непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

— Вишь ты, сказалъ Селифанъ Петрушкѣ, — потащили ба-рина, какъ рыбу.

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ и запутался еще (болѣе) въ сѣтку. Бо-ясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбой, приказавши себя перехватить только впоперекъ веревкой. Пе-ревязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Чело-вѣкъ съ двадцать рыбаковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозною перчаткой, — взглянулъ на берегъ вверхъ и увидалъ гостя, въ коляскѣ въѣз-жавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чи-чиковъ снялъ картузь и учтиво раскланялся съ коляски.

— Обѣдали? закричалъ баринъ, подходя съ пойманною ры-бой на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же — на манеръ Венеры Медицей-ской, выходящей изъ бани.

— Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ.

— Ну, такъ благодарите же Бога.

— А чтó? спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ голо-вою картузь.

— А вотъ чтó! сказалъ баринъ, очутившійся на берегу вмѣ-стѣ съ карпами и карасями, которые были у ногъ его и пры-гали на аршинъ отъ земли. — Это ничего, на это не глядите; а вотъ штука, вонъ гдѣ!... А покажи-ка, Тома Большой, осетра. Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое-то чудо-вище. — Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!

— Да это цѣлый князь! сказалъ Чичиковъ.

— Вотъ то-то же. Поѣзжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ ого-

родъ. Побѣги, телепень Ѳома Меньшой, снять перегородку, а я за вами—какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться.

«Полковникъ чудаковатъ», думалъ (Чичиковъ), проѣхавши, наконецъ, безконечную плотину и подѣзжая къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, рассыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшены были повсюду. Ѳома Меньшой снялъ перегородку, коляска проѣхала огородами и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревянной церкви. За церковь, подалше, видны были крыши господскихъ строеній.

— А вотъ я и здѣсь! раздался голосъ съ боку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ возлѣ него на дрожкахъ. Травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ купидона. Боконъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ-было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ и только слышался голосъ: «Щуку и семь карасей отнесите повору-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ». Раздались снова голоса: «Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Кузьма да Денисъ!» Когда же подѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно навкрестъ.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитриевича.

— Кто это Александръ Дмитриевичъ?

— Генераль Бетрищевъ, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Не знаю-съ, незнакомъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ же это?... Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ! подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. — Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дураки, сказалъ онъ, оберотясь къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски, — какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кошкареву.... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ.....

— Ребята сдѣлали отлично! сказалъ Петръ Петровичъ. — За это вамъ по чапорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте!

— Я совѣщусь, говорилъ Чичиковъ, раскланиваясь: — такая нежданная ошибка.

— Не ошибка, живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, — не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, сказалъ (онъ), взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренній покой. Чичиковъ, чинясь, проходилъ въ дверь бокомъ, чтобы дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было только, какъ раздавались его рѣчи по двору: «Да что же Тома Большой? зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Омелянъ, бѣги къ повору-тѣлепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей — въ соусъ. Да раки, раки, ротозѣй Тома Меньшой! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?!» И долго раздавалось все — раки да раки.

— Ну, хозяинъ захлопотался, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

— А вотъ я и здѣсь, сказалъ, входя, хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; выгнало ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

— Сыны мои, гимназисты. Приѣхали на праздники. — Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною.

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ.

Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназїи не очень хорошо учать, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки, что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ, что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъемцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

— А что, въ какомъ состоянїи имѣніе вашего батюшки? спросилъ Чичиковъ.

— Заложено, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной, — заложено!

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движеніе губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

— Зачѣмъ же вы заложили? спросилъ онъ.

— Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отстаивать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же все жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую пожить въ Москвѣ.

«Дуракъ, дуракъ!» думалъ Чичиковъ: «промоталъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотыжками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

— А вѣдь я знаю, что вы думаете, сказалъ Пѣтухъ.

— Что? спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплестъ, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка! Платонъ Михайлычъ ѣдетъ! сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. — Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый хуже его?

— Хуже не хуже, но выступка не такая.

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ — высокаго, стройнаго роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

— Обѣдалъ, сказалъ гость.

— Что́-жь, вы смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? сказалъ, сердясь, Пѣтухъ.—Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

— Впрочемъ, Петръ Петровичъ, сказалъ гость усмѣхнувшись, — могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, еслибы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали.

— Дажезавидно васъ слушать, сказалъ гость.—Научите меня быть такимъ веселымъ, какъ вы.

— Да отчего же скучать? помилуйте! сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднеевремя выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься—вѣдь нужно пить чай; тутъ прикащикъ тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ, а послѣ пришелъ поваръ—заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михайлычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Парисъ вмѣстѣ: стройное сложеніе, картинный ростъ, свѣжесть— все было собрано въ немъ. Пріятная усмѣшка, съ легкимъ выраженіемъ ироніи, какъ бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на все это, было въ немъ что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясеніе не прорѣзали морщинъ на дѣвственномъ, свѣжемъ его лицѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

— Признаюсь, я тоже, произнесъ Чичиковъ, —не могу понять, если позволите такъ замѣтить, не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненія отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь.

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего этого нѣтъ, сказалъ Платоновъ. — Повѣрите ли, что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобъ это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненія, ну хоть бы, просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно — да и только.

— Не понимаю. Но, можетъ-быть, имѣніе у васъ недостаточное, малое количество душъ?

— Ничуть: у насъ съ братомъ земли по десяти тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ.

— И при этомъ скучать — не понятно! Но, можетъ-быть, имѣніе въ безпорядкѣ? былъ неурожай, много людей вымерло?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— Не понимаю! сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ, сказалъ хозяинъ. — Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро' вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ — икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новое принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были народъ хорошій и расторопный. Названіе это хозяинъ давалъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ-то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ. Самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ прямое. Впрочемъ и люди за это не сердились.

Закуска послѣдовала обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человекъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». Съѣдалъ гость два — подкладывалъ ему третій, приговаривая: «Что-жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три — онъ ему: «Гдѣ-жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ?»

«Кто-жь строить избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была опять поговорка, на пять—тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: не говоря ни слова, хозяинъ положилъ ему на тарелку хребтовую часть телянка, жареннаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого телянка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, сказалъ хозяинъ, — ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу! сказалъ Чичиковъ.

— Да вы попробуйте, да потомъ скажите: *не могу!*

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Вошелъ городничій— нашлось. А вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ— тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ; дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто, а казалось—ничего нельзя помѣстить.

Съ винами была та же исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ то и дѣло подливалъ, да подливалъ; чего-жь не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой, а встали изъ-за стола— какъ бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостями было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ какъ съѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ; черезъ открытый ротъ и носовые продухи началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все— и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ! сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдать, заговорилъ Платоновъ, — какъ тутъ прійти скучѣ! тутъ сонъ придетъ.

— Да, говоритъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него необыкновенно маленькіе.—А все-таки однакожъ, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да мало ли для молодаго человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ.... а не то—жениться.

— На комъ? скажите.

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ не-вѣстъ?

— Да нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить. И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова. Глаза его стали побольше.—Да вотъ прекрасное средство! сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда-жъ ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемте со мной, сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо: тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

— А вы куда ѣдете?

— Да какъ сказать—куда? Ёду я, покамѣсть, не столько по своей надобности, сколько по надобности другаго. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и можно сказать благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей—кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука.

Платоновъ задумался.

Чичиковъ тоже между тѣмъ такъ помышлялъ: «Право, было бы хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобъ отправиться на его лошадахъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, и въ дорогу взять его коляску».

«Что-жь? почему-жь не проѣздиться?» думалъ между тѣмъ Платоновъ. «Авось-либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть разстройства никакого. Почему-жь въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?»—А согласны ли вы, сказалъ онъ вслухъ, — погостить у брата денька два? Безъ того онъ меня не отпуститъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, если такъ—по рукамъ! Ёдемъ! оживясь, сказалъ Платоновъ.

— Bravo! сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его: — ёдемъ!—Куда? куда? сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза.—Нѣтъ, государи, и колеса приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михайлычъ, отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаевъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны. Хоть бы стружкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые впоперекъ рѣки канаты для ловли рыбы снастію. Еще до чаю успѣлъ раздѣться и выпрыгнуть въ рѣку (хозяинъ); тамъ барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Оому Большаго и Кузьму. Нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ, съ аппетитомъ и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло. Румяный вечеръ разливался въ чистомъ небѣ. Осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. На мѣсто рыбаковъ — повсюду группы купающихся ребятишекъ. Хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы хватали разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ, и катеръ самъ собою,

какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, запѣвалъ звонко одинъ, вырабатывая чистымъ голосомъ; пятеро подхватывали, шестеро выносили—и разливалась безпредѣльная, какъ Русь, пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ бы хотѣли пѣвцы потеряться въ ея безпредѣльности. Становилось какъ-то льготно, и думалъ Чичиковъ: «Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!»—«Ну что тутъ хорошаго», думалъ Платоновъ, «въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще бѣльшая тоска находитъ на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударили въ потьмахъ по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки. Береговъ не было. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбью уху, все изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома: Гуси, коровы, козы давно уже были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ давно уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья на уху. Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаганье собакъ своей деревни и отдаленное чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, стали озаряться потемки; и все наконецъ озарилось—и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ видѣнъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга. Пыль за ними—какъ отъ стада барановъ. «Эхъ, право, заведу когда-нибудь деревеньку!» думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого-жъ не разогрѣетъ такой вечеръ!

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: «Барабанъ!» сказалъ (онъ); «никакой городничій не взойдетъ!»—Надобно же было (встрѣтиться) такому стеченью обстоятельствъ! За стѣной находился кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ за-

казывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причвакивалъ. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!» А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой».

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молоко сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого...какого-нибудь тамъ того...

— Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ.

— Да чтобъ она съ одного боку—понимаешь? подрумянилась бы, а съ другаго пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку—понимаешь? пропеки такъ, чтобы рассыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту, какъ снѣгъ бы растаяла.

«Чортъ побери!» думалъ Чичиковъ, ворочаясь: «просто, не дастъ спать!!»

— Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ. Положи кусочекъ льду, чтобъ онъ взбухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ, чтобы былъ побогаче. Обложи его раками да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршемъ изъ снѣточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да грузди-ковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ ли тамъ еще какого коренья?

— Можно будетъ подпустить брюкву, или свеклу звѣздочкой, сказалъ поваръ.

— Подпусти и брюкву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку....

«Пропалъ совершенно сонъ!» сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько». Заснулъ онъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. — Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михайлычъ? Преспкойная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія-то коробки!»

Платоновъ усмѣхнулся и сказалъ:— Это, я вамъ объясню, Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу.

— Точно такъ, сказалъ Петрушка, оборотясь съ козелъ:— приказано было все поѣхать въ коляску—пашкеты и пироги.

— Точно-съ, Павелъ Ивановичъ, сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый:— очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда. Очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще не было.

— Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ, сказалъ Платоновъ.— Есть ли (вамъ) время однакоже, скажите просто, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Чичиковъ.

— Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой—весьма замѣчательный человекъ.

— По какой части? спросилъ Чичиковъ.

— Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣсти тысячъ.

— А почтенный человекъ! Вотъ этакого человека жизнь стоитъ того, чтобы быть переданной въ поученіе людямъ! Очень, очень пріятно будетъ познакомиться. А какъ по фамиліи?

— Скудронжогло.

— А имя и отчество?

— Константинъ Федоровичъ.

— Константинъ Федоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человека. И Чичиковъ пустился въ распросы о Скудронжоглѣ, и все, что онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было что-то точно изумительное.

— Вот смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли, говорилъ Платоновъ, указывая на поля.—Замѣчайте, вы тотчасъ увидите отличіе отъ другихъ Кучеръ, здѣсь возьмешь налѣво. Видите ли этотъ молоднякъ-лѣсъ? Это—сѣянный. У другаго въ пятьдесятъ лѣтъ не поднялся бы такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а черезъ пятьдесятъ десятинъ опять будетъ лѣсъ, тоже сѣянный, а тамъ опять. И смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другихъ.

— Вижу. Да какъ же онъ это дѣлаетъ?

— Ну, спросите у него, вы увидите, что ни гвоздика нѣтъ у него (даромъ). Это такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ мало того, что знаетъ, какую почву что любитъ, знаетъ, какое сосѣдство для него нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ рассчитываетъ, сколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ; у него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ и полю одобреніе отъ тѣни и отъ листьевъ. И это во всемъ такъ.

— Изумительный человѣкъ! сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на поля.

Все было въ порядкѣ. Лѣса были огороженные; попадались скотные дворы, также не безъ причины обстроенные и завидно содержимые; хлѣбныя клади росту великанскаго. Обильно и хлѣбно повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузь-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, (увидѣли) на супротивной сторонѣ деревню, рассыпавшуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телѣга—телѣга была крѣпкая и новенькая; попадался ли конь—какъ бы откормленный и добрый; рогатый скоть—какъ на отборъ; даже мужичья свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ. Отъ избъ до господскаго двора потянулись рабочіе и дворы. На крышѣ большой фонарь

не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ, и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженіемъ, также красавица. Но какъ-то полусонная, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся (другіе), или оттого, что всепоглощающая дѣятельность (мужа; ничего не оставила на ее долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то въ половину, на жизнь глядятъ въ полглаза и, видя возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: «Вотъ дураки бѣсятся! Имъ же хуже».

— Здравствуй, сестра! сказалъ Платоновъ. — Гдѣ же Константинъ?

— Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался.

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ (вниманія). Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновеннаго человѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ все, думая отыскать въ ней слѣды свойствъ самого хозяина, — какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица, или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно — просторны и ничего больше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфорами и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — все какъ-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ. Какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена (была дверь въ кабинетъ хозяина); но и тамъ было такъ же просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то, чтобы жить въ немъ, что для обдумыванія своихъ плановъ и мыслей ему не надобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грезахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ, — мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ

они представлялись и обращались вдругъ въ дѣло, не имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

— А вотъ онъ! Идетъ, идетъ! сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человекъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузь. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое изъ низшаго сословія, разговаривая о чемъ-то съ нимъ и топча. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ, другой, въ сищей сибиркѣ, какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха.

— Такъ ужъ прикажите. батюшка, прицять! говорилъ мужикъ, кланяясь.

— Да нѣтъ. братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ: не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что и дѣвать некуда.

— Да у васъ, батюшка Константинъ Федоровичъ, все пойдетъ въ дѣло. Ужъ эдакаго умнаго человека во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять.

— Мнѣ, братецъ, руки нужны, мнѣ работниковъ давай, а не матеріалъ.

— Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатка. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрно вамъ, ей Богу, отслужили. У васъ всякому уму научишься, Константинъ Федоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ.

— Да вѣдь ты и тогда говорилъ—*въ послѣдній разъ*, а вѣдь вотъ опять привезъ.

— Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Федоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, прицять.

— Ну, слушай, этотъ разъ возьму; но это изъ сожалѣнія только, чтобы не провозился напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли конючь -- не возьму.

— Слушаю-съ, Константинъ Федоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покориѣйше бла-

годарю. — Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ однакоже, привезеть: *авось* — великое словцо.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Федоровичъ, ужъ сдѣлайте милость.... пособите, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что-жь тутъ мудренаго! Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Федоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобъ и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задатка извольте принять. — Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гм», подумалъ Чичиковъ, «точно какъ бы носовой платокъ!»

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

— Ба, братъ, ты здѣсь! сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣнно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣніе поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темные и густые, глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всемъ выраженіи лица, и ужъ ничего не было въ немъ соннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего-то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденія. Есть (впрочемъ) много на Руси русскихъ не русскаго происхожденія, но въ душѣ русскихъ. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденіемъ, находя, что это не идетъ въ дѣло; притомъ не зналъ другаго языка, кромѣ русскаго.

— Знаешь ли, Константинъ, что я выдумалъ? — сказалъ Платоновъ.

— А что?

— Выдумалъ я проѣздить по разнымъ губерніямъ; авось это выльчить отъ хандры.

— Что-жь? это очень можетъ быть.

— Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ.

— Прекрасно! Въ какія же мѣста, спросилъ Скудронжого, привѣтливо обращаясь къ Чичикову, — предполагаете теперь ѣхать?

— Признаюсь, сказалъ Чичиковъ, наклоня голову на бокъ и взявшись рукою за ручку кресель, — вѣдь я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другаго. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ геморoidalномъ отношеніи, уже то, чтобъ увидѣть свѣтъ, коловращеніе людей.... кто что ни говори, есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить, отнесся Чичиковъ: — точно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Федоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

Скудронжого смутился. — Чему же, однако?... чему научить? Я и самъ учился на мѣдные деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ подобно вамъ, подобно вамъ умѣть извлекать изъ него существенные доходы, приобрѣсть, подобно вамъ, имущество не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ исполнить долгъ гражданина.

— Знаете ли что? сказалъ Скудронжого, — останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и расскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Братъ, оставайся этотъ день, сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

— Пожалуй, мнѣ все равно, — произнесъ (тотъ) равнодушно. — Какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я съ большимъ удовольствіемъ.... Но вотъ обстоятельство — нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ....

— Да вѣдь онъ.... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ.

— Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генералъ Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель.... такъ какъ-то и неловко.

— Въ такомъ случаѣ знаете ли что, сказалъ (Скудронжогло): — поѣзжайте къ нему теперь же. У меня стоятъ готовыя пролетки. Къ нему и десяти верстъ (нѣтъ), такъ слетаете духомъ. Вы раньше даже ужина возвратитесь назадъ.

Чичиковъ съ радостію воспользовался предложеніемъ. Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полковнику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу, и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій*, на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, на третьемъ: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ*; (далѣе): *Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ*; словомъ, чортъ знаетъ чего не было! Онъ думалъ, не вѣхалъ ли въ губернской городъ. Самъ полковникъ былъ какой-то чопорный. Бакенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ — все какъ бы лежало дотолѣ подъ прессомъ. Принялъ онъ Чичикова ласково, ввелъ его совершенно въ довѣренность и рассказалъ съ самоуслажденіемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему трудовъ возвестъ имѣніе до нынѣшняго благосостоянія, — какъ трудно дать понять мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщен-

ная роскошь, что есть искусство, — сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобъ одѣть его въ нѣмецкіе штаны, да заставить почувствовать хотя сколько-нибудь высшее достоинство человѣка, — что бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ заставить бросить уродливый костюмъ и надѣть корсеты, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14 году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепьяно, говорила по-французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ рассказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей-помѣщиковъ, какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ, какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устройство письменныхъ конторъ, комиссій и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить (отъ) всякой покражи и всякая вещь была бы извѣстна, — чтобы писарь, управитель и бухгалтеръ образованы были не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитаніе, — что, несмотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, еслибы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ, или тому (подобное).

На это Чичиковъ (подумалъ): «Ну, врядъ ли выберетъ такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а «Графиня Лавальеръ» до сихъ поръ не прочитана»

— Ужасное невѣжество! сказалъ въ заключеніе полковникъ Кошкаревъ, — тьма среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь.... Позвольте, нѣтъ! я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство!

— Какое?

— Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ какъ по маслу. Науки возвысятся, торговля подыметъ, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: «Что-жь? съ этимъ чиниться нечего». Не отлагая дѣла въ дальній ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣеть

надобность вотъ въ такихъ душахъ, съ совершеніемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ комиссію всякихъ прошеній. Комиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ всякія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положитъ свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано.

Чичиковъ оторопѣлъ.—Позвольте, сказалъ (онъ),—этимъ дѣло затянется.

— А! сказалъ съ улыбкой полковникъ;—вотъ тутъ-то и выгода бумажнаго производства! Оно точно нѣсколько затянется, но за то уже ничего не ускользнетъ; всякая мелочь будетъ видна.

— Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно. Вѣдь это такого рода дѣло! Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же мертвыя? Вѣдь-этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно, или требуется, чтобы казались какъ бы живыя.*

Чтобы дѣло сдѣлать съ полковникомъ, Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что́ это за комиссія и комитетъ, и что́ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое вѣроятіе. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе въ другое се-

ло—разбирать пьяницу-прикащика со старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника—нигдѣ.

— Да гдѣ же тутъ... да какъ добиться какого-нибудь толку? сказалъ Чичиковъ своему спутнику, чиновнику по особымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

— Да никакого толку не добьетесь, сказалъ проводникъ:—у насъ безтолковщина. У насъ всѣмъ, изволите видѣть, распоряжается комиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія (онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія). У насъ всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все какъ слѣдуетъ, а вѣдь это (надуванье) только одно.

«Это, однакожь, нужно ему сказать», подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссія построеній воруетъ напрапалую.

Полковникъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построенія самоуправно распоряжалась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы правитель дѣлъ, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ комиссіи прошеній?»

«Ну, пойдетъ кутерьма», подумалъ Чичиковъ и началъ раскланиваться.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, которой только-что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что для васъ нужно—книги, бумага, перья, карандаши—все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ, какъ господинъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, отворяя дверь въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, съ низу до верху установленный книгами. Были тамъ даже чучелы животныхъ. Книги по всѣмъ

частямъ—по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представляющихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: «Свиноводство, какъ Наука». Видя, что здѣсь все вещи не для пріятнаго препровожденія (времени), онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня—въ полымя. Тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: «Философія, въ смыслѣ Науки». Шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: «Предуготовительное Вступленіе къ Теоріи Мышленія въ ихъ Общности, Совокупности и въ Примѣненіи къ Уразумѣнію Органическихъ Началъ Обоюднаго Раздвоенья Общества». Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ—*проявленіе, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. «Нѣтъ, это не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему, гдѣ были все книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными мифологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ (лѣтъ). Говорятъ, что въ послѣднее время стали онѣ нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что же дѣлать! пряные корни любитъ человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано; и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его поставлю выше всѣхъ: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что онъ пишетъ.

«Ну, слава те Господи!» подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать.

«Приступая къ обдумыванію возложеннаго на меня Вашимъ Высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе

въ изъясненіи того, что требуются ревизскія души, всякими внезапностями вставленныя въ умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не пріобрѣтаются. Что-жь и пріобрѣтать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили...» Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ: «Въ этомъ мѣстѣ плутъ... онъ немножко кольнулъ васъ. Но судите, однакожь, что бойкое перо, статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побылъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса». Кошкаревъ продолжалъ: «...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко... ибо выразились о душахъ *умершія*, тогда какъ всякому, изучавшему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа бессмертна.—2) Оныхъ упомянутыхъ ревизскихъ душъ, пришлыхъ, или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на-лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полтора ста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Преищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ».

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объяснили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держать? сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ-то и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все какъ на ладони оказалось.

«Дуракъ ты, глупая скотина!» думалъ про себя Чичиковъ. «Въ книгахъ копадся, а чему выучился?» Мимо всякихъ учтивствъ и приличій, схватилъ онъ шапку и изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой на-готовѣ и лошадей не откладывалъ: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція—выдать овесъ лошадямъ была бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, несмотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно учтивъ и деликатенъ. Онъ насильно пожалъ Чичикову руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что

онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрагу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельскаго управленія могутъ заржавѣть и ослабѣть; что, въ послѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль—устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіей наблюденія за комиссіей построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

«Осель! дуракъ!» думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Вѣхалъ онъ уже при звѣздахъ. Ночь обволокла небо. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

— Что это вы такъ запоздали? сказалъ Скудронжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали? сказалъ Платоновъ.

— Уморилъ сказалъ Чичиковъ.—Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ.

— Это еще ничего! сказалъ Скудронжогло.—Кошкаревъ—утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ за тѣмъ, что въ немъ отражаются каррикатурно и виднѣй глупости умныхъ людей. Завели конторы и присутствія, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссіи, и чортъ ихъ знаетъ что такое, точно какъ будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и не достаетъ крестьянъ обрабатывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ, свѣчнымъ торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!

— Да вѣдь и у тебя же есть фабрика, замѣтилъ Платоновъ.

— А кто ихъ заводилъ?—Сами завелись: накопилося шерсти, а дѣтъ некуда, я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, по дешевой цѣнѣ; ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, на примѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куда ее дѣвать?—я и началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза, — «загребистая такая лапа!»

— Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбонашества ни за что не оторву; на фабрикахъ у меня работаютъ только въ голодный годъ, все пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, ты увидишь — всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянъ дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!

— Это изумительно, сказалъ Чичиковъ, исполнившись участія, — изумительно, изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянъ даетъ доходъ.

— Гм! да только-то?... Рѣчи Скудронжогло не кончилъ: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей-помѣщиковъ. — Вопъ опять одинъ умникъ — что вы думаете у себя завелъ? — Богоугодное заведеніе, каменное строеніе въ деревнѣ. Христолюбивое дѣло!... Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ христіанскаго долга. Помоги сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ своихъ плечъ. Дай лучше ему возможность приютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай ихъ: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ-Кишоты просто, по всѣмъ частямъ!... Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!... да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять лѣтъ содержать! Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеніемъ. Онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянъ даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла и слова полились.

— А вотъ другой Донъ-Кишотъ просвѣщенья. Завелъ школы! Ну, что, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знаніе грамоты? А вѣдь какъ распорядился: вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ

его деревни. «Что это», говорят, «батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ, отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ». Вѣдь вотъ что вышло.

Чичикову тоже не было надобности въ школахъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ:—Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобно писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства.

— Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, на что вамъ это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобъ у него было время учиться по охотѣ своей, а нето, что съ палкой въ рукѣ говоритъ: «Учись!» Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ!... Ну, послушайте: ну, вотъ я (отдаю) вамъ на судъ.... Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами — засунулъ палецъ въ петлю фрака.—Ну, что можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне за тѣмъ, чтобы ты покровительствовалъ имъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ ихъ быть? въ чемъ же занятія крестьянина? Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобъ онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ: «Изъ этого состоянія его нужно вывести. Онъ ведетъ ужъ слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши!» Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцати-лѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хоть одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобы всѣ были какъ хлѣбопашецъ!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься? спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего—это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основаніе быта общественнаго, тамъ изобиліе и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю—сказано человѣку, трудись.... что тутъ хитрить! Я говорю мужику: «Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись. Въ дѣятельности твоей я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Все, что нужно, готовъ тебѣ дать, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздности: я за тѣмъ и надъ тобой, чтобы ты трудился». Гм! думаютъ увеличить доходъ заведеніями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда только и самъ будешь богатъ, безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ (затѣй).

— Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Федоровичъ, сказалъ Чичиковъ,—тѣмъ больше получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною, еслибы, напри- мѣръ, я возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшной губерніи, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное (время) разбогатѣть и тѣмъ исполнить, такъ-сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ... сказалъ Скудронжогло.

— Пойдемъ ужинать! сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостію почти военного человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженіемъ, съ улыбною деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненіе головы

нѣсколько на бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки. Всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу и началось хлебаніе супа.

Отдѣлавши супъ и запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоглу:—Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться.... *).

— Имѣніе, за которое еслибъ онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

«Гм!» Чичиковъ задумался. — А отчего же вы сами, проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, — не покупаете его?

— Да нужно знать наконецъ предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ, у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и раззореннымъ ихъ положеніемъ, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ наконецъ надоѣло.

— Дворянство способно къ злословью! сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Не можете себѣ представить, что они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупердямъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я», говоритъ, конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я долженъ жить роскошно, чтобы промышленность поощрять. А такъ можно пропасть и не раззорившись, еслибы жить такой свиньей, какъ Скудронжогло».

— Желалъ бы я быть такой свиньей! сказалъ Чичиковъ.

— И вѣдь все это оттого, что я не задаю обѣдовъ да не даю имъ въ займы денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ; а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ! Не даю денегъ въ займы — это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да расскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими день-

*) *Примѣчаніе С. П. Шевырева.* Здѣсь въ разговорѣ между Скудронжогло и Чичиковымъ пропускъ. Должно полагать, что Скудронжогло предложилъ Чичикову прѣдметъ покупки имѣніе сосѣда его, помѣщика Хлобуева.

гами; я если увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль, — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелими домъ, а ему давай деньги въ-займы!...

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть не выговорилъ нѣсколь-ко неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья и взволнованной желчи.

Чичиковъ выпилъ рюмку малиновки и сказалъ такъ:—Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Во сколько времени, еслибы, положимъ, я приобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени, какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени?

— Если вы хотите, подхватилъ сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенья въ духѣ, — разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! сказалъ Чичиковъ.

— Да, сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова.—Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! и повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, еслибы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ жизни его нѣтъ пустоты—все полнота. Нужно только разсмотрѣть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій—и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человекъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Еще не появилась весна, а ужъ зачинаются работы: подвозка дровъ

и всего на время распутицы; подготовка сѣмянъ; переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки,—работы такъ вдругъ и закипятъ: тамъ нагрузка на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ работаетъ заступъ, въ поляхъ соха и борона. А начинаются посѣвы—бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступили покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбопашца—бездѣлица! Пойдетъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ клады. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумно. Наступилъ день запашки и посѣва озимыхъ хлѣбовъ, чинка амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолоть. Наступитъ зима—и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары, по лѣсамъ рубка и пиленіе дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весеннихъ построекъ. Да просто, я и обнять всего не въ состояніи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумна; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ,—бездѣлица! Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ передъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и рассказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгами, но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе? сказалъ Скудронжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ.—Да, въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь подражаетъ Богу человекъ. Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ выс-

шее наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченія дѣлъ. Это называютъ скучнымъ дѣломъ!

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать, сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя ему хотѣлось все сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку. Но голова уже не была склонена привѣтливо на бокъ, не доставало ловкости въ оборотахъ, въ движеніяхъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеніями.

— Что ни рассказывай, а все, однакоже, скучно, — говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ», думалъ хозяинъ: «степененъ въ словахъ и не шелкоперъ». И, подумавши, сдѣлая еще веселѣе, точно какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умный совѣтъ.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнатѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, — Чичикову сдѣлалось такъ пріятно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершенью всего, онъ получилъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: довольно! Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто, неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей людскихъ, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потомъ, навсегда и на вѣки останется проведенный такимъ

образомъ вечеръ, и все, что тогда случилось и было, удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и что даже было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ — и эта малая, неприхотливо убранная комната, и добродушное выраженіе, воцарившееся на лицѣ умнаго хозяина, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «Полно, не мучь его», и восковыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Федоровичъ, произнесъ Чичиковъ. — Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.

Скудронжогло улыбнулся. — Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, сказалъ онъ, — ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о которомъ точно можно сказать — умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.

— Кто это? съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ, Муразовъ.

— Въ другой уже разъ про него слышу! вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣнѣемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сейчасъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Что вы говорите! вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

— Всенепремѣнно. У него теперь приращеніе должно идти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того

радіусъ великъ: что ни захватить, такъ вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему назначить, такая и останется: некому перебить.

Вытаращивъ глаза и разинувши ротъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему. — Уму непостижимо! сказалъ онъ, приходя немного въ себя. — Каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ на-счетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, въ началѣ приобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Еслибъ это были тысячи, еще бы такъ, но милліоны.... извините, не повѣрю.

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой-таки дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобою. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ.

— Уму непостижимо! И что всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось съ копѣйки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей, сказалъ Скудронжогло. — Кто воспитывался на тысячахъ, тотъ уже не приобрѣтетъ, — у того уже завелась и прихоти, и мало ли чего цѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и быть, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать,

а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: «Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю», я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не на вѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать!

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю, сказалъ Чичиковъ, — потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего. Онъ разумѣлъ мертвыя души.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть, сказала хозяйка, — ты все болтаешь.

— И непременно разбогатѣете, сказалъ Скудронжогло, не слушая хозяйки. — Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Кружилися его мысли...

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что-жь тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось! сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко, по всей комнатѣ раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ и Ярбъ затянулъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разбрѣлись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу, и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному только Чичикову не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, а существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно. Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно и такъ казалось свойственно самой его натурѣ. Онъ началъ помышлять о пріобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, пріобрѣсти помѣстье уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего

старого, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству.... Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ, и, подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ передъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошей чинъ, или за большіе достатки. Собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Скудронжогло былъ первый. Онъ понималъ, что съ такимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ другой прожектъ—купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; другія десять тысячъ предполагалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть и заняться хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться (уплатить) потомъ, по заложеніи душъ. Заложить всѣ накупленныя души нельзя было, потому что еще не было земель, на которыя слѣдовало переселить ихъ. Хотя (увѣрялъ) онъ, что въ Херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеніи. Предполагалось еще накупить ихъ въ Херсонской губерніи, потому что онѣ тамъ продавались за безцѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшатъ закладывать имѣнія и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, не заложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли попеременно наполняли его голову и мѣшали ему (спать). Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко...

Глава IV.

На другой день все обдѣлалось какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостію десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подѣ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Послѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши втроемъ въ коляскѣ Павла Ивановича; пролетка хозяина слѣдовала за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревеньку съ двумя домами: одинъ большой и новый, не достроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленькій и старенькой. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплатка, на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! вскрикнулъ онъ, — отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ — попрошу въ займы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! вижу — самъ всему виной! Что дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ; сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчивать? скажите.

— Пожалуйста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали за дѣломъ, сказалъ Скудронжогло. — Вотъ вамъ покупатель, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.

Чичиковъ далъ ему обѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить, вы обѣдали?

— Обѣдали, обѣдали, сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться.— Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ.

Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. Гости падѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

— Пойдемъ осматривать беспорядки и безпутство мое, говорилъ Хлобуевъ.— Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ,—до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто свиньей!

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно! говорилъ Хлобуевъ Платонову.— Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, еслибы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей,—сгрустнется, по-неволѣ сгрустнется....

Платонову стало жалко.— Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ? спросилъ Платоновъ.

— Какое поправитъ! сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой.— Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а затѣмъ для себя не останется и тысячи.

— Такъ что-жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ, говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился.— Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?

— Что-жъ предпринять?

— Будто нѣтъ уже средствъ?

— Никакихъ.

— Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернской секретарь. Какъ же мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Ну, частную какую-нибудь должность. Подите въ управляющіе.

— Да кто-жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой, чрезъ кого-либо въ городѣ, выхлопотать для васъ какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку.— Не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! что разорять казну! и безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе. И безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ.

«Вотъ положеніе!» думалъ Платоновъ. «Это хуже моей спячки».

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ-между собою говорили:

— Вотъ запустилъ какъ все! говорилъ Скудронжогло.— Довелъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобъ онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь; а мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница.

— Такъ, стало-быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать такое имѣніе? спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ бы хотѣлъ ему сказать: «Ты что за невѣжа! съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать? (и сказалъ): «Невыгодно! да чрезъ

три года я буду получать двадцать тысячъ годового дохода съ этого имѣнія, — вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ—бездѣлица! А земля-то какова? разглядите землю! Все поемныя мѣста. Да я засѣю льну, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю—на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите—рожь поднялась; вѣдь это все падалъ. Онъ хлѣба не сѣялъ—я это знаю. Да этому имѣнію полтораста тысячъ цѣна, а не сорокъ.

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

— Вонъ сколько земли оставилъ въ-пустѣ! говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. — Хотъ бы повѣстилъ впередъ, такъ набрали бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ,—огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда—бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и на вѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бродяжничеству! Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело....

— Вона земля какъ вспахана! вскрикнулъ Скудронжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія.—Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ! И, сказавши это, Скудронжогло простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться съ нимъ.

— Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ, говорилъ удивленный хозяинъ:—только-что пріѣхали—и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома, сказалъ Скудронжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своей пролеткѣ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину отъѣзда.— Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ, сказалъ онъ.— Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на такое безпутное управленіе. Вѣрите ли, что не могу, не могу, Павелъ Ивановичъ.... что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ

году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря уже о томъ, что нечѣмъ пахать.—Вашѣ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Федоровичъ, что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: «Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, чтобы хоть каплю его въ мою глупую, хоть бы на то, чтобы сѣумѣлъ домъ свой держать! Ничего не умѣю, ничего не могу. Ахъ, Павелъ Ивановичъ, возьмите въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мужичковъ бѣдныхъ. Чувствую, что не умѣю быть съ ними... Не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ приучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ! Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ-то устроенъ русскій человѣкъ, какъ-то не можетъ безъ покупателя... Такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.

— Вѣдь это точно странно, сказалъ Платоновъ: — отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія, замѣтилъ Чичиковъ.

— Ну, Богъ вѣсть отъ чего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать денегъ на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Можетъ-быть, два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то потому, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье, да вынимаетъ деньги. Ей Богу! Вѣдь приходили только за тѣмъ, чтобъ аплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенья-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого не возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другаго, а отъ чего, ей Богу, я не знаю.

— Причины должны быть, сказалъ Чичиковъ.

Глубоко вздохнулъ бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ:— Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ— какой-то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги и постоянства. Хочешь сдѣлать—и ничего не можешь. Все думаешь— съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діету; ни чуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается. Право, и этакъ всѣ.

— Нужно въ запасѣ держать благоразуміе, сказалъ Чичиковъ,— ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру(жную) бесѣду.

— Да что! сказалъ Хлобуевъ.— Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобъ изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу,—не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ. Спуститъ потомъ все вдругъ! И всѣ такъ, право: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ,—пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго и выкупаться въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все осмотрѣли. Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится.

— Что-жъ и разсматривать! сказалъ Чичиковъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдѣмъ домой.— И они всѣ направили шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасляной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока... всѣхъ чертей. Два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ,—крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на

нихъ, зѣвнулъ. «Мое-то будущее достоянъе мужики», подумалъ Чичиковъ, — «дыра на дырѣ и заплатата на заплатѣ!» И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, сташенными съ господскаго амбара. Словомъ, въ хозяйствѣ введена была система Тришкина кафтана: обрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичиковъ нѣсколько былъ пораженъ смѣшенъемъ нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели — новенькія бронзы. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ вывелъ къ нимъ молодую жену, отрекомендовалъ имъ хозяйку. Она была хоть куда. Въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ (грязь). Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоря комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣвочками и мальчиками. Ихъ было пятеро. Шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики, дѣвочки — заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самаго было еще грустнѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они было уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхали гости. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мущины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покупателей, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ: «Какая же будетъ ваша цѣна?»

— Видите ли что? сказалъ Хлобуевъ. — Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ривизіи, и пятидесяти

нѣтъ на-лицо: прочіе или' померли отъ эпидемической болѣзни, или въ бѣгахъ, отлучились безпаспортно, такъ что вы почитайте ихъ какъ бы умершими. Поэтому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ.

— Ну, вотъ—тридцать тысячъ! Имѣніе запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ.

— Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно за тѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладѣ была бы проволочка, надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ.

— Ну, да все-таки возьмите 25 тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова.—Покупайте, Павелъ Ивановичъ, сказалъ (онъ).—За имѣніе можно всегда дать эту (цѣну). Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

Чичиковъ испугался...—Хорошо! сказалъ онъ:—даю 30 тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку дамъ вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальные 20 тысячъ чрезъ мѣсяць.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальные никакъ не дальше, какъ чрезъ двѣ недѣли.

— Да нѣтъ пятнадцати тысячъ! Десять тысячъ у меня всего теперь. Дайте соберу.—То-есть, Чичиковъ лгалъ: у него было двадцать тысячъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо нужны пятнадцать тысячъ.

— Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ, откуда взять.

— Я вамъ займу, подхватилъ Платоновъ.

— Развѣ такъ! сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: «А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ въ-займы». Ударили по рукамъ. Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальные же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то-есть, обѣщано;

предполагалось же привезти три другія тысячи потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки казалось ему— лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть онъ поступалъ какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

— Гдѣ-жъ вы послѣ этого будете жить? спросилъ Платоновъ Хлобуева. — Есть у васъ другая деревушка?

— Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Все же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ надобны будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь-этого въ деревнѣ нельзя достать!

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочется учить танцованью!» подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» подумалъ Платоновъ.

— Что-жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку, сказалъ Хлобуевъ. — Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!» подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался, сталъ милъ и уменъ, остроты и анекдоты сыпались у него непрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанья людей и свѣта, такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію раззорившихся баръ—и почему, и какъ, и отчего они раззорились, такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Послушайте, сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку:—какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?

— Средства-то есть, сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ! Почти всѣ прожекты основывались на необходимости достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатились, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги, и такъ оканчивалъ онъ рѣчь свою: «Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ въ займы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ».

«Да», подумалъ Чичиковъ, «этакому дураку послалъ бы Богъ двѣсти тысячъ!»

— Есть у меня, пожалуй, трехъ-милліонная тетушка, сказалъ Хлобуевъ,—старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугонька. А старушка очень замѣчательная. Преннихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: Эй, молодой! Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право.

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ? спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ въ городѣ. Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней? спросилъ съ участъ-

емъ Платоновъ.—Мнѣ кажется, еслибъ она только поближе вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга.

— Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетушки натура крѣпковата. Это старушка—камень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому-жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Такъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Припелся ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется.

«Дуракъ!» подумалъ Чичиковъ. «Да я бы за такою тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!»

— Что-жъ, вѣдь такъ разговаривать сухо? сказалъ Хлобуевъ.—Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, я больше не буду пить, сказалъ Платоновъ.

— Я также, сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ. 8-го іюля я даю маленькій обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ.

— Помилуйте! вскрикнулъ Платоновъ.—Въ такомъ состояніи, раззорившись совершенно—и еще обѣдъ!

— Что-жъ дѣлать? нельзя: это долгъ, сказалъ Хлобуевъ.— Они меня также угощали.

«Что съ нимъ дѣлать!» подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь — необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, и обѣдъ, который задаетъ, кажется послѣдній, и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ—мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и такъ же задаетъ обѣдъ, и всѣ думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной

Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосолюствовалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Еслибы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, почти неизвѣстный никому въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и никого въ домѣ это не смущало и не беспокоило, какъ бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. За то временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился, или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнію. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ и слезами наполнялись глаза его. И странное дѣло! почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь незнакомая проѣзжая барыня, христоролюбивая душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно, благодарно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ! сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ! сказалъ Чичиковъ. — О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, также какъ и на все въ мѣрѣ. Сердце его страдало и щемило при видѣ страданія другихъ, но впечатлѣнья не врѣзывались глубоко въ душѣ его. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупкою. Онъ исчислялъ, рассчитывалъ и соображалъ всѣ выгоды купленного имѣнія. И какъ ни разсматривалъ онъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Скудронжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы продать въ частныя руки имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжогло денегъ, взятыхъ у него въ займы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивалъ онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и уголья, и люди, люди не мечтательные, не въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубить на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ въ слухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплуника. Но по-

томъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ и постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторга, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: «Чего?» онъ отвѣчалъ: «Ничего».

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасною рощей. Милостивая березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ на-встрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Англійскій песъ, на высокихъ, тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— Стой! сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ на-встрѣчу господину. Яръ уже успѣлъ облобызаться съ англійскимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду лобызаніе Азора (такъ назывался англійскій песъ). Проворный песъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреніемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платоновъ и господинъ, шедшій на встрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

— Помилуй, Платонъ! что это ты со мною дѣлаешь? живо спросилъ господинъ.

— Какъ что? равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ», говоритъ, «съ какимъ-то бариномъ». Ну хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно такъ поступать? А я Богъ знаетъ чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что-жъ дѣлать? позабылъ, сказалъ Платоновъ. — Мы заѣхали къ Константину Федоровичу... Онъ тебѣ кланяется, се-

стра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичикова. — Павелъ Ивановичъ, братъ Василій! Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня.

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?» думалъ братъ Василій. «Братъ Платонъ на знакомство не разборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что онъ за человѣкъ». И оглянулъ онъ, сколько позволяло приличіе, Чичикова. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши голову и сохранивъ пріятное выраженіе въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, на сколько позволяло приличіе, брата Василя. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленія. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

— Знаешь ли, Василій, что я придумалъ? сказалъ братъ Платонъ.

— Что? спросилъ Василій.

— Проѣздить по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ: авось-либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою. •

— Какъ же такъ вдругъ рѣшиться?... началъ-было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеніемъ, и чуть было не прибавилъ: «И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянъ, и чортъ знаетъ что!» И, полный недовѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова и увидѣлъ, что онъ держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же пріятное наклоненіе головы нѣсколько на бокъ и почтительно-привѣтливое выраженіе въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого роду (человѣкъ) былъ Чичиковъ.

Въ молчаньи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую руку которой находилась мелькавшая промежъ деревъ бѣлая каменная церковь, по правую — начинавшія показываться, также промежъ деревъ, строенія господскаго двора. Наконецъ, показали ворота. Они вступили на дворъ гдѣ былъ старинный господскій домъ подъ высокою крышей. Двѣ огромныя лины,

росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье сиреней и черемухъ, которыя нависли отовсюду изъ сада въ дворъ черезъ миловидную березовую ограду, кругомъ его обходившую, и казались цвѣтущею цѣпью или нѣжнымъ ожерельемъ, его короновавшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водкой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшіе какъ газовыя лимонады. Поставивши передъ ними графины, онъ подошелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ всѣ слуги были садовники, или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій говорилъ, что безъ слугъ можно даже и обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоить заводить особаго сословія; что будто русскій человѣкъ до тѣхъ поръ только хорошъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ,—станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится до тѣхъ поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку, и зипунъ, и что какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ—и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ что. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ-то особенно щеголевато и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было долго поискать.

— Не угодно ли вамъ прохладиться? сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины.—Это квасы нашей фабрики; имъ издавна славится домъ нашъ.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина—точно ли-

пецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ; игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятно изо рта въ носъ.—Нектаръ! сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ изъ другаго графина—еще лучше.

— Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать? спросилъ братъ Василій.

— Буду я, сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденіи легкаго покачиванья всего туловища и пріятнаго наклона головы на бокъ,—не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другаго. Генераль Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благодетель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ-сказать, и для самого себя, ибо, не говоря уже о пользѣ въ геморoidalномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и колдовращенье людей—есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука..

Братъ Василій задумался. «Говорить этотъ человекъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его есть правда», думалъ онъ.—«Моему Платону не достаетъ познанія людей, свѣта и жизни». Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ:—Знаешь ли что, братъ Платонъ? что путешествіе можетъ точно расшевелить тебя. У тебя душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенья или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.

— Вольно-жъ принимать все близко къ сердцу! сказалъ Платонъ.—Ты выскиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу неприятность? сказалъ Василій.—Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ?—Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка.

— Не знаетъ, потому и захватилъ, сказалъ Платонъ.—Человекъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылаю ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я (въ хозяйство) не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду, сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: «Экой охотникъ ѣздить!»

— Вы мнѣ дайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ, сказалъ Чичиковъ, — и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію, потому что одно изъясненіе съ такимъ человѣкомъ для меня уже непріятная комиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Задастъ здѣсь тонъ. Да у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ живетъ неглупый. Мода намъ не указъ, а Парижъ — не церковь.

— Конечно, сказалъ Чичиковъ.

— А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли, — ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т. е. онъ рассчитывалъ, что она не нужна, о ней хозяева (не станутъ хлопотать), а у насъ, какъ нарочно, уже споконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими и лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня — святыня.

— Стало-быть, вы готовы уступить ему другія земли?

— То-есть, еслибъ онъ со мной не такъ поступалъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, посмотримъ, кто выиграетъ. Хоть на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старіки еще живы и помнятъ.

«Гм!» подумалъ Чичиковъ. — «Оба-то, какъ вижу, съ душкомъ», и сказалъ вслухъ: — А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣ-

латъ можно миролюбно. Все зависитъ отъ посредника. Письмен.....¹⁾..... что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевести, на примѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія въ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ чтобъ я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого-нибудь соблазна, то передачу эту совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ бы эти души были живыя.

«Вотъ тебѣ!» подумалъ Лѣницынъ.—«Это что-то престранное!» и нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

— Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны, сказалъ Чичиковъ, — потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершенно оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому.

Что тутъ дѣлать? Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленію на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ. Помѣщики все равно заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало-быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого. Разница въ томъ, что онѣ были бы въ однѣхъ рукахъ, а тогда были бы въ разныхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ весь, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствию, правое ли оно, или неправое. Еслибы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ сказать: «Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться». Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенія и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ презатруднительномъ положеніи.

¹⁾ Примѣчаніе С. П. Шевырева. Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался рассказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помѣщику Лѣницыну.

Въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая, курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ петербургская дама, и одѣтая, какъ всѣ петербургскія дамы. За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ подошелъ, разумѣется, тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ наклоненіемъ головы на бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было разревѣлся; но однакоже Чичикову удалось словами: «Агу, агу, душенька!», прищелкиваньемъ пальцевъ и сердоликовою печаткой отъ часовъ переманить его на руки къ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ приподымать кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обоихъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другаго, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала: «Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ».

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь испачканъ. «Пострѣлъ бы тебя побрадъ, чертенокъ!» пробормоталъ онъ въ сердцахъ про себя.

Хозяинъ, хозяйка, мамка—всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего, говорилъ Чичиковъ.— Можетъ ли что испортить невинный ребенокъ? И въ то же время думалъ: «Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальчонокъ проклятый!» — Золотой возрастъ! сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли и пріятное выраженіе возвратилось на его лицо.

— А вѣдь точно, сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову, тоже съ пріятной улыбкой:—что можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ!

— Состояніе, на которое можно сей же часъ помѣняться, сказалъ Чичиковъ.

— За глаза, сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали. Предложи имъ такой обмѣнъ, они

бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что за радость сидѣть у мамки на рукахъ и портить фраки!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому что и на немъ требовалось кое-что исправить. Наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ наградить.

Это, повидимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ въ самомъ дѣлѣ отказать такому пріятному, обворожительному гостю, который столько ласкъ оказалъ малюткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: «Почему же въ самомъ дѣлѣ не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?»

Глава?

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы, развалясь на диванѣ, торговался съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная штука первѣйшаго голландскаго холста на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на Радзивилловской таможенѣ; оно имѣло дѣйствительно свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную),—въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшейся легкимъ дрожаніемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

— На судъ вашего превосходительства представляю, каково полотно и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещица! При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить о дѣлѣ. Въ лицѣ его за-

мѣтны были озабоченность и разстройство. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ и они остались (одни).

— Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять лѣтъ. Половина имѣнія отдается на монастырь, а другая—обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому.

Чичиковъ оторопѣлъ....

— Но это завѣщанье—вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ.

— Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаньи, что имъ уничтожается, первое.

— Это само собою разумѣется. Первое уничтожается послѣднимъ. Это вздоръ. Первое завѣщанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?

— Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья, Бурмиловъ, и Хавановъ.

«Худо», подумалъ Чичиковъ: «Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ старый жанжа, читаетъ по праздникамъ апостолъ въ церквахъ».—Но вздоръ, вздоръ, сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки.—Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично.

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволновалъ и уже начищалъ-было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія. Онъ укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духу у Павла Ивановича присягнуть на святомъ (Евангеліи), но сказать это достало духу.

— Будьте покойны: я переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно.

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытно-сти необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакимъ образомъ нельзя было отрѣшить его отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы шесть разъ послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было возвести явныхъ и доказательныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ (его) холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность съ хорошими мебелями красного дерева, съ золотыми часами подъ стекляннымъ колпакомъ, съ люстрой, сквозившей сквозь кисейный чехоль, ее сохранявшій, и вообще со всѣмъ, что было вокругъ его и носило яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожь, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеніемъ невѣрности всего земнаго и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руки.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ найдобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наипрїятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

— Позвольте вамъ замѣтить, вмѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло, — вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныя вещи на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употребляю мое участіе.

«Понимаю», подумалъ Чичиковъ и сказалъ: — Въ самомъ дѣлѣ, я точно хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ, точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

— Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, продолжалъ онъ весьма добродушно, — будьте совсѣмъ покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже еслибъ и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь. Нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствіе мое непоколебимо. Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что и Чичиковъ немного (успокоился).

— Конечно, это первая вещь, сказалъ онъ. — Но согласитесь однакожъ, что могутъ быть такіе случаи, и дѣла, и такіе поклёпы со стороны враговъ, и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе.

— Повѣрьте мнѣ, это малодушіе, отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. — Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь не то чтобы оправдывать и защищать себя, — нѣтъ, просто спутать новыми вводными, такими посторонностями.

— То-есть, чтобы....

— Спутать, спутать — и ничего больше! отвѣчалъ философъ, — ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали бы сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ — и ничего больше! А тамъ пусть пріѣзжій изъ Петербурга чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ! повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

— Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу, сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

— Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же нужно оправдаться, имъ нужно отвѣчать на бумагѣ, имъ нужно окупиться .. Вотъ ужъ и хлѣбъ!... Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я вѣдь почему спокоенъ?—Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свои дѣла—и губернатора, и вице-губернатора, и полицеймейстера, и казначея,— всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства—и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутаются, другіе успѣютъ нажитья. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки. Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ на Чичикова во всѣ глаза, опять съ тѣмъ же наслажденіемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

«Нѣтъ, этотъ человѣкъ, точно, мудрецъ», подумалъ про себя Чичиковъ и разстался съ юрисконсультомъ въ наипріятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски и приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутою кожей) и расположился, точь-въ-точь, какъ отставной гусарскій полковникъ, или самъ Вишнепокромовъ, ловко подвернувши одну ножку подъ другую и обращая съ пріятностью къ встрѣчнымъ лицамъ, сіявшее изъ-подъ шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленье къ гостиному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземцы, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, хотя пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина,

привѣтствовали его какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфу-славѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, прѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ! говорилъ у суконной лавки учтиво рисуясь, съ открытою головою нѣмецкій сюртукъ московскаго шитья, съ шляпою въ одной рукѣ на отлетѣ, придерживая двумя пальцами другой бритый круглый подбородокъ, съ выраженьемъ тонкаго просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. — Покажите намъ, любезнѣйшій, суконца.

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару, лицомъ къ покупателю и, съ обнаженною головою и шляпою на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ: — Какого рода сукно-съ? англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?

— Отечественной фабрикаціи, сказалъ Чичиковъ, — только лучшаго сорта, который называется англійскимъ.

— Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть? спросилъ купецъ, все-таки пріятно колеблясь на двухъ упершихся въ столъ рукахъ.

— Цвѣтовъ темныхъ оливковыхъ, или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ, сказалъ Чичиковъ.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго можете найти только въ обѣихъ столицахъ, говорилъ купецъ, досталъ сверху штуку, бросилъ ее ловко на столъ, развернулъ съ другого конца и поднесъ къ свѣту. — Каковъ отливъ-съ! Самаго моднаго, послѣдняго вкуса! Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что передъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ, и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

— Порядочное, сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. — Но

знаете ли, почтеннѣйшій? покажите мнѣ сразу то, что вы на-
послѣдокъ показываете, да и цвѣту больше того.... больше
искры.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой
нынче (въ модѣ) входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго
свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго
достоинства.

— Давайте! о цѣнѣ слова (впередѣ).

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ боль-
шимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ, развернулъ точно
шелковую матерію, поднесъ Чичикову такъ, что (тотъ) имѣлъ
возможность не только разсмотрѣть, но даже понюхать, и ска-
залъ только:—Вотъ сукно-съ! цвѣту наваринскаго дыму съ
пламенемъ.

О цѣнѣ условились. Желѣзнымъ аршиномъ, подобнымъ жез-
лу чародѣя, купецъ отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ и
панталоны; сдѣлавши ножницами нарѣзку, произвелъ обѣими
руками ловкое драніе сукна во всю ширину его и при оконча-
ніи его поклонился Чичикову съ наибольшителнѣйшею пріят-
ностью. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заворочено въ
бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкою бичевкой и Чичиковъ
хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное
окруженіе своей поясницы чьею-то деликатною рукой, и уши
его услышали:—Что вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?

— А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча! сказалъ Чичиковъ.

— Пріятное столкновеніе, сказалъ голосъ того же самаго,
который окружилъ его поясницу. Это былъ Вишнепокромовъ.—
Готовился-было пройти лавку безъ вниманія, вдругъ вижу
знакомое лицо,—какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія!
Ничего, сукна въ этомъ году несравненно лучше вѣдь; а то
стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ бывало отыскать. Я готовъ
сорокъ рублей... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По
мнѣ, или имѣть вещь, которая бы точно была уже отличнѣй-
шая, или лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?

— Совершенно такъ! Зачѣмъ же трудиться, какъ не за тѣмъ,
чтобы точно имѣть хорошую вещь?

— Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ, раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился. Это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртукъ былъ больно протертъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ у васъ,—все васъ нѣтъ и нѣтъ.

— Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей-ей, нѣтъ времени. Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы (желая) улизнуть отъ объясненія, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. Ахъ, Боже мой, Аѳанасій Васильевичъ! сказалъ Чичиковъ.— Вотъ пріятное столкновение! И вслѣдъ за нимъ повторилъ Вишнепокромовъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» и наконецъ благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы на столько, на сколько могла рука, и всѣмъ тѣломъ подавшись впередъ, произнесъ: «Аѳанасію Васильевичу наше низжайшее почтеніе!» На лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву:—Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побеспокоить. Если вамъ будетъ свободно и подорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить.

Хлобуевъ сказалъ:—Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ!

— Какая прекрасная погода у насъ, Аѳанасій Васильевичъ! сказалъ Чичиковъ.

— Не правда ли, Аѳанасій Васильевичъ? подхватилъ Вишнепокромовъ,—вѣдь это необыкновенно!

— Да-съ, благодаря Бога, недурна. Но нужно бы дождика для посѣва.

— Очень, очень бы нужно, сказалъ Вишнепокромовъ:—даже и для охоты хорошо.

— Да, дождика бы очень не мѣшало, сказалъ Чичиковъ, которому совсѣмъ не нужно было дождика: но какъ-то уже пріятно согласиться съ тѣмъ, у кого милліоны.

— У меня, просто, голова кружится, сказалъ Чичиковъ, по

выходъ Муразова, — какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно.

— Противузаконная, однакожь, вещь, сказалъ Вишнепокромовъ: — капиталы не должны быть въ однѣхъ рукахъ. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги, — ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.

— Этого я не могу понять, сказалъ Чичиковъ. — Десять милліоновъ — и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милліонами чортъ знаетъ что можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья.

— Да-съ, прибавилъ купецъ, — у Аѳанасія Васильевича, при всѣхъ почтенныхъ качествахъ, непросвѣтительности много. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже нагоціантъ. Я ужъ долженъ тогда взять и ложу въ театрѣ, а дочь ужъ я за простого полковника — нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала ее выдамъ. Что мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кундитеръ поставлять, а не кухарка...

— Да что говорить! помилуйте! сказалъ Вишнепокромовъ: съ десятью милліонами чего не сдѣлаешь? Дайте мнѣ десять милліоновъ, — вы посмотрите, что я сдѣлаю!

«Нѣтъ», подумалъ Чичиковъ, «ты-то не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ еслибъ мнѣ десять милліоновъ, я бы точно кое-что сдѣлалъ».

«Нѣтъ, еслибы мнѣ теперь, послѣ этихъ страшныхъ опытовъ, десять милліоновъ!» подумалъ Хлобуевъ. «Опытомъ узнаешь цѣну всякой копѣйки. Э, теперь бы я не такъ...» И потомъ, минуту подумавши, спросилъ себя внутренно: точно ли бы теперь умнѣй распорядился? и, махнувши рукой, прибавилъ: «Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде», и вышелъ изъ лавки, старая жаланіемъ знать, что объявить ему Муразовъ.

— Васъ жду, Петръ Петровичъ, сказалъ Муразовъ, увидѣв-

ши входящаго Хлобуева.—Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку. И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, не прихотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семь сотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, ваши обстоятельства получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ да тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное, что дѣло по этому завѣщанью самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ расскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенью, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно для того, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?

— Мои обстоятельства трудныя, сказалъ Хлобуевъ.—Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ 100 тысячъ, если не больше.

— Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ; на службу я ужъ никуда не гожусь.

— А почему же вы никуда не ходите?

— Да куда-жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство, мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ: я вѣдь не на хорошемъ счету, и признаюсь вамъ, я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человекъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что хотите, но взяткокъ брать не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносвымъ, да Самосвистовымъ.

— Но все, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ идти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда не на водѣ? А вѣдь жизнь—путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ: да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ,—нельзя, чтобы не пришелъ; есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ. Какъ жить на свѣтѣ не прикрѣпленну ни къ чему, когда всякъ какой-нибудь да долженъ исполнять долгъ?... Поденщикъ—вѣдь и тотъ служить. Онъ ѣстъ грошевый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.

— Повѣрьте мнѣ, Аѳанасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость (вашихъ словъ); но говорю вамъ, что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность; не вижу я, что я могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ; чувствую, что я рѣшительно бесполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что еслибы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество. Я имѣю вкусъ, помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человекъ не безъ вкуса и знаю во многомъ (толкъ); могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, никуда не гожусь, ровно никуда; говорю вамъ, на малѣйшее дѣло неспособенъ.

— Послушайте, Петръ Петровичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хотъ и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете,—идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.

— Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это дѣлаю не для человека, а для Того, Кто приказалъ намъ всѣмъ

быть на свѣтѣ. Что-жь дѣлать? Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнутъ ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ (Хлобуева). Муразовъ минуту помолчалъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы дать ему придти въ себя, (и сказалъ):—Зачѣмъ же вы не возьмете и должность съ мыслию, что вы взяли ее не для человѣка и не для угожденія обществу, а служите Тому, Кто повелѣлъ вамъ быть на свѣтѣ, въ увѣренности, что вы молитесь? У васъ бы появилась дѣятельность и васъ никто изъ людей не въ силахъ (былъ бы) охладить.

— Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ — это другое (дѣло). Въ первомъ случаѣ я вижу, что я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь и самые тяжкіе, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что тамъ я увѣренъ, что взыщутъ (съ тѣхъ), которые меня заставили дѣлать. Тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь.

— Зачѣмъ же вы такъ не разсуждаете въ дѣлахъ свѣтскихъ? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ ему, что увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Что-жь другое всѣ способности и дары, которые разные у всякаго? Вѣдь это орудія моленія нашего: то—словами, а это—дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя идти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство.

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуеть тоже замолчалъ.

— Такъ вы полагаете, что еслибы, на примѣръ, у васъ было двѣсти тысячъ, такъ вы бы могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?

— То-есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать, — займусь воспитаніемъ дѣтей, буду имѣть возможность доставить имъ хорошихъ учителей.

— А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года вы будете опять въ долгахъ, какъ въ шнуркахъ?

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою:
— Однакожъ, послѣ этакихъ опытовъ....

— Да что тутъ толковать! сказалъ Муразовъ. — Вы человекъ съ доброю душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ въ займы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человека — захотите помочь; пріятный гость придетъ — захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенію, а расчетъ и позабудете. И позвольте вамъ наконецъ сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который уже самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и добрая душа, но совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю — извините меня, Петръ Петровичъ — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!

Хлобуевъ сильно призадумался. Онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и наконецъ почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

— Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это — дѣтей, дѣла; оставьте и семью, и дѣтей: я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобъ умирать съ голоду. Тутъ ужъ на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?

— И очень уважаю, даже несмотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ.

— Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкрутился — что-жъ дѣлать? пошелъ въ прикащики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда за простую миску: казалось, что и руки ни къ чему не подымутся. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать изъ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: «Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, служу я теперь не себѣ, а для себя и потому, что Богъ такъ (велѣлъ). По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы». Вотъ что говоритъ Иванъ По-

тапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умнѣе меня.

— Аѳанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою (признать).... вашъ слуга и что хотите; отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ и говорю вамъ, что ни на что доброе не гожусь.

— Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу на васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ вотъ вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь добротнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не достаетъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку... вѣдь вы теперь простой человѣкъ, раззорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что-жь тутъ чиниться?—да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословеніе и шнуровую книгу, да и съ Богомъ.

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новою должностію. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь! притомъ трястись на телѣгѣ! А между тѣмъ вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

— Призадумались? сказалъ Муразовъ.—Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую—мнѣ.

— Какую же вамъ?

— А вотъ какую! Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, вы узнаете-съ на мѣстѣ все, какъ тамъ живутъ мужички: гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всѣ. Скажу вамъ, что мужичковъ люблю оттого, можетъ-быть, что я самъ изъ мужичковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, противъ властей и порядковъ ихъ возстанѡвляють; а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Что-жь, будто трудно подстрѣкнуть человѣка, который точно терпитъ! Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ—только ворамъ нажива. Вы—

человѣкъ умный, узнаете все это, гдѣ дѣйствительно терпятъ человѣкъ отъ другихъ смущеніе, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава, да и расскажете мнѣ потомъ все. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и лучше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ то время, когда несчастливы, а не буйствовать и расправляться самимъ. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите вы въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе.

— Аѳанасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете, сказалъ Хлобуевъ, — святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ умѣлъ уже прощать другимъ.

— Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что можно. Дѣло-то въ томъ, что вы все-таки придете съ познаніемъ тѣхъ мѣстъ и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ не имѣетъ возможности, да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ.

А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому — и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай расспросить всякаго. Говорю-съ вамъ, что генераль-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не бесполезна будетъ ваша жизнь.

— Попробую, приложу старанье, сколько хватить силъ, сказалъ Хлобуевъ, и въ голосѣ его было замѣтно ободренье, спина распрямилась, голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. — Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумнѣемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей.

— Теперь позвольте васъ спросить, сказалъ Муразовъ, — что-жъ Чичиковъ и какого роду (человѣкъ)?

— Про Чичикова я вамъ расскажу вещи неслыханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла.... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что

завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ.

— Что вы говорите? Да ложное завѣщаніе кто смастерилъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ: Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, на мѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ говорятъ, и генераль-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысяча просьбъ поступила съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!

— Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло точно не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный (человѣкъ), сказалъ Муразовъ.

— Я подалъ отъ себя также просьбу, за тѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ....

«....А мнѣ... пусть ихъ всѣ передерутся» думалъ Хлобуевъ, выходя. — «Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученіе, вѣрно, обдумавши». Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: «Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь еслибы съ такою волей и настойчивостью да на доброе дѣло!»

А между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ по судамъ шла просьба за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова и на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможенѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, какъ все это пронюхали и знали! Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, о которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не знаетъ.

Покаместъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, вѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня; но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло — спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила совершенно его. «Точно геній!» сказалъ Чичиковъ.

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желанье сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго дыму съ пламенемъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хотъ рисуи. Ляжки и икры тоже славно обтянуло сукно, обхватило всѣ малости, сообщая имъ еще большую упругость. Какъ затанулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!» Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщины, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, что подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на талии. «Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы», повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. — «Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ чтобы впередъ никто не появился съ такими городами, и пусть себѣ пишетъ изъ каго-нибудь «Карлсору» или «Копенгара».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и соп амоге. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щеки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣе, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротнич-

камъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный (жилетъ) давалъ тонъ (манишкѣ), а фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ давалъ тонъ всему. Поворотился направо—хорошо! поворотился налево—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у каммергера или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина, который такъ чешетъ по-французски, что передъ нимъ самъ французъ — ничто, который, даже разсердясь, не срамитъ себя непристойнымъ словомъ на русскомъ языкѣ, а распечетъ французскимъ діалектомъ. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенья: выходила, просто, картина! Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкой прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздогнувъ комодъ и шлепнулась на землю стеклянка съ одеколономъ. Но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стеклянку душой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше....»

Какъ вдругъ въ передней послышалось въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ вошелъ въ полномъ вооруженіи.... какъ будто въ лицѣ его было цѣлое войско. «Приказано сей же часъ явиться къ генераль-губернатору!» Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что. Цѣлое войско въ одномъ лицѣ—да и только! Онъ началъ было возражать, но грубо заговорило страшилище: «Приказано сейчасъ!» Взглянувъ сквозь дверь въ переднюю, онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище, взглянулъ въ окошко—экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго дыму съ пламенемъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генераль-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему.—Ступайте! васъ князь уже ждетъ, сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ,

какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватить, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилось съ такою силой, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась передъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель!» сказалъ Чичиковъ. «Онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ ягненка!»

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ васъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ! Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ? спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову, — женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. — Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я не виноватъ, меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнести, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ выдумать послѣдній лжець. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали не-безчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенья участи своей. И это мало еще, потому что хуже (ты) и въ нѣсколько разъ. (чѣмъ) тѣ, что въ армякахъ и въ тулупахъ, а вѣдь ты .. Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство! вскрикнулъ Чичиковъ, — умилосоуди-

тесъ вы хотъ надъ семействомъ. Не меня пощадите, старуху мать!

— Врешь! вскрикнулъ гнѣвно князь. — Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было.

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй, сказалъ Чичиковъ. — Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства.... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушеніе... враги и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно судно среди волнъ морскихъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ, во фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ, въ бархатномъ жилетѣ, въ атласномъ галстукѣ, въ чудесно-сшитыхъ штанахъ, и ударился лбомъ, головою прической, изливавшей токъ сладкаго дыханья первѣйшаго одеколона.

— Поди прочь отъ меня! Позвать солдатъ, чтобъ его взяли! сказалъ князь вошедшему.

— Ваше сіятельство! кричалъ Чичиковъ, обхвативъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ (князя).

— Подите прочь, говорю вамъ! сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятій Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости! говорилъ (Чичиковъ), не выпуская и прижимая сапогъ князя къ груди и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу во фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ.

— Подите, говорю вамъ! говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какое чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ

ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога и еще съ большею силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма насилу оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницѣ встрѣтилъ его Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть... Жандармы схватили его и повели, не дали даже дослышать.

Промозглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзною рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало — вотъ обиталище, гдѣ помещенъ былъ Чичиковъ, уже не чаявшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали ему даже распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги... Бумаги, крѣпости на мертвыя души — все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю; безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающею быстротой стала точить она это ничѣмъ не защищенное сердце. Еще день, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились. Вошелъ старикъ Муразовъ.

Еслибы исгерзанному палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ не оживился бы такъ, какъ оживился блѣдный Чичиковъ.

— Спаситель мой! сказалъ Чичиковъ, вдругъ схватившись съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали,

схватилъ его руку, быстро поцѣловалъ ее и прижалъ къ груди. — Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только:—Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали!

— Я виноватъ и преступилъ, сдѣлалъ все, что свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я—дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулку... тамъ деньги, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ, имущество, которое кровнымъ потомъ пріобрѣлъ...

И, не въ силахъ будучи удерживать поровы вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что ни есть, на вѣкъ вы должны проститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человека.

— Самъ погубилъ себя самого, чувствую, что погубилъ—не умѣлъ во время остановиться. Но за что же такая страшная (кара), Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и кровнымъ потомъ добывалъ копѣйку. Зачѣмъ добывалъ копѣйку?—Затѣмъ, чтобы въ семействѣ прожить остатокъ дней, оставить что-нибудь женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не скрою, покривилъ... что-жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямою дорогою не возьмешь. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.... Аѳанасій Васильевичъ, да вѣдь сколько трудовъ,

сколько терпѣнія! Да я, можно сказать, вытерпѣлъ всякую добытую копѣйку страданіями, страданіями! Пусть ихъ кто-нибудь въстрадаеть то, что я! Вѣдь что́ вся жизнь моя? — Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что выработалъ!... Аѳанасій Васильевичъ, то, что пріобрѣлъ такою борьбой...

Онъ не договорилъ и громко зарыдалъ отъ нестерпимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую полу фрака и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, обѣ укрѣпленія которыхъ прежде старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! говорилъ (Муразовъ), скорбно смотря на него и качая головой, — какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, еслибы съ такою же силой и терпѣніемъ да подвигались бы на добромъ пути и для лучшей (цѣли)! Еслибы хотя кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки! да сумѣлъ бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья копѣйки!..

— Аѳанасій Васильевичъ! сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руку. — О, еслибы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелѣ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, еслибъ я даже и рѣшился на это: но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ.

— Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, — я передъ закономъ найду средства, но то, что я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!

Онъ обнялъ ноги старика и облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! говорилъ

старикъ Муразовъ, качая головою.—Какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ! сказалъ старикъ Муразовъ и остановился.—Спаси васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобъ облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ,—я попрошу у васъ награды за труды. Бросьте всѣ эти поползновенья на эти приобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что еслибы я и всего лишился моего имущества,—а у меня его больше, чѣмъ у васъ,—я бы не заплакалъ. Ей-ей, (дѣло) не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобить сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству; забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти. Пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искушитель, или предатель.

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя, необъяснимыя ему чувства пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью роднаго жилища, безсмѣннымъ одиночествомъ, нищетою и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное стекло, занесенное зимнею вьюгой,—точно хотѣло вырваться на волю.

— Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣрьте, поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!

— Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь, сказалъ Муразовъ, держа его руку.

— Отступился бы, можетъ-быть, еслибы не такой страшный урокъ, сказалъ вздохнувши бѣдный Чичиковъ и прибавилъ:— Но урокъ тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!

— Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться. Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ. Онъ успокоился.

— Нѣтъ, полно! сказалъ онъ наконецъ, — другую, другую жизнь! Пора въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться порядочнымъ. Еслибы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселюсь вдали отъ... Если, однакоже, получу назадъ бумаги и купчія?... Онъ подумалъ: «Что же? ужели оставить это дѣло, что съ такимъ трудомъ пріобрѣлъ?... Больше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтеніе это стоило трудовъ! Это я заложу съ тѣмъ, чтобы на деньги купить помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго. И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ у Скудронжогло, и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятіе помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

— Глупы мы, за суетой гоняемся! сказалъ онъ наконецъ:— Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять земель. Чѣмъ не жизнь, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе дѣйствительно въ трудѣ. Скудронжогло правъ! Ничего нѣтъ слаще, какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ, и займусь честно, такъ, чтобъ имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться.

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно

исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углу, несмотря на всякія обстоятельства, смятенія и движенія, летающія вокругъ человѣка, на всякомъ мѣстѣ, на которомъ онъ поставленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ оболещеній, которыя отъ праздности выдумалъ человѣкъ, забывши о трудѣ своемъ, такъ сильно передъ нимъ стала рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый ударъ, если только выпустятъ его, отдадутъ хотя часть.... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась; вошла чиновная особа—Самосвитовъ, лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги страшныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ. Еслибы послать его куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятели пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣніемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ-быть, онъ былъ честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ и, непостижимое дѣло! съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ, или упущеніемъ...

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали! сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась.— Ничего, ничего, не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ стали работать за васъ и—ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ— и ничего больше.

— Будто? вскрикнулъ Чичиковъ, — и я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за трудъ (сколько)?...

— Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ—и нашимъ, и генераль-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи, шкатулка, все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что-ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось. и онъ не довѣрялъ, чтобъ это было возможно...

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ сказать нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа.

«Гм!» подумалъ Чичиковъ, — «понимаю, юрисконсультъ!»

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка, бумаги, и даже все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, осмотрѣлъ, приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова. Связавъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія брэннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться ему блѣднѣй; городъ и шумъ опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусцыя головы, любуясь, какъ художники, крючковатою строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо воючалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная мѣщанка, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. «Давно ты здѣсь стоишь?» — «Съ утра, ваше благородіе; до моей смѣны три часа, ваше благородіе». — «Ты мнѣ бу-

дешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы на мѣсто тебя отрядилъ другого». — «Слушаю, ваше благородіе!» И, уѣхавъ домой на минуту, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и баккенбардахъ. Самъ чортъ бы не узналъ его. Явился въ домъ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативъ первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовому: «Ступай! меня прислалъ командиръ выстоять на мѣсто тебя смѣну». Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, на мѣсто прежней бабы, очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ донесенія; жандармскому чиновнику далъ знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживающаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ и пошли открываться такія дѣла, которыхъ на-лицо не видно, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконно-рожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никакимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшею чепухою. Оба казались равнаго достоинства. Когда стали наконецъ поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума. Никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого неприятнѣйшихъ. Въ одной

части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи разшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и подъ видомъ, какъ изловить бы антихриста, уколошили не антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны быть помѣщиками и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядиться въ армяки и будутъ мужиками, и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ, отказалась платить капитанъ-исправникамъ всякую подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. «Пусть войдетъ», сказалъ князь. Старикъ вошелъ....

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетью за этакое дѣло!

— Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова... Но вѣдь это дѣло не доказанное. Слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика! Женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена! Я ее хочу расспросить нарочно при васъ. Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! и, нѣ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники! сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ—наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на при-

тязаніе; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣлились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженья умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?... Подлецы! сказалъ князь съ чувствомъ негодованья.— Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго; всѣ—мерзавцы!

— Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города—люди, имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство! сказалъ Муразовъ, — кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаю, что онъ половину золь дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія? Мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ! воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и наконецъ сказалъ:— Да вотъ хоть бы и по дѣлу Дерпенникова.

— Аѳанасій Васильевичъ! преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей...

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ оболъщенъ и сманенъ другими, осудятъ такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дерпенникова и какого-нибудь Вороного-Дрянного, а вѣдь преступленья ихъ не равны.

— Ради Бога... сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ. — вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно писалъ еще прямо въ Петербургъ о смягченіи его участи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя точно есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить. Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ—и дурныхъ, и хорошихъ; такъ если не примешь во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, если не разспросишь обо всемъ хладнокровно, а накричишь съ перваго разу, запугаешь только его,—да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь; какъ братъ брата,—самъ все выскажетъ и даже не просить о смягченьи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю, а законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его лицѣ, молодомъ и еще свѣжемъ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ соп атоге, не сгарая ни честолюбьемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ. Онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его—это было его дѣло. И труды, и старанія, и бессонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло наконецъ начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда передъ нимъ раскры-

валась какая-либо труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда передъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато....¹⁾.

.....хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ: я эту часть лучше знаю чиновниковъ, рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся. Такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладить съ ними миролюбно. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голоду. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что—вы сами можете чувствовать—всякое слово тутъ бессильно. Но позвольте мнѣ одно сказать на-счетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что, кажется, кругомъ виновать человѣкъ... а какъ войдешь—даже и не онъ.

— Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они (меня) напугали. Они первые будутъ не уважать...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его извоили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что бы изъ нихъ каждый сдѣлалъ въ вашемъ положеніи?

¹⁾ Тутъ—пропускъ.

— Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенья благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надомной посмѣются.

— Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русской. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что-жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не передъ ними, а передъ самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ, сказалъ князь въ раздумьи,—я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажете отпустить?

— Скажите этому Чичикову, чтобъ онъ убирался отсюда какъ можно поскорѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока юрисконсульта.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ, сказалъ онъ:—я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настроиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ его. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобъ одному ему не скучно было, да дѣло къ раздѣл-

кѣ. Я васъ оставилъ въ расположенъи хорошемъ, лучшемъ, нежели въ какомъ вы теперь. Совѣтую вамъ совсѣмъ не въ шутку. Ей-ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ; изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ будто можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помышляя о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земнаго имущества. Заступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Когда же хотите, чтобы шло какъ слѣдуетъ, подумайте не о мертвыхъ душахъ, а о своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тоже выѣзжакъ завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось ему немаловажнымъ. «Муразовъ правъ», сказалъ онъ. «Пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку. Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденною барина: «Ну, любезные», сказалъ Чичиковъ, обратившись (къ нимъ) милостиво, «нужно укладываться, да ѣхать».

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ, сказалъ Селифанъ. — Дорога, должно-быть, установилась; снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбратся изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки, сказалъ Чичиковъ и самъ пошелъ въ городъ, но ни къ кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ много ходило въ городѣ самыхъ неблагопрістойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную цѣну мас-

теръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчкахъ портное народонаселеніе: иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади были запряжены. Чичиковъ, однакожь, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы, онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и промолвилъ грустно: «И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было бы сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннѣмъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое;—а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ и работники оставались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогожной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ; а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло (по городу) приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до единого.

Въ большомъ залѣ генераль-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислоѣдовъ, Красноносковъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе. Всѣ съ любопытствомъ, не совсѣмъ спокойнымъ, ожидали выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ такъ же, какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось; многіе въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

— «Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди,

которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главный, и чье (тутъ) сокровенное (дѣйствіе), хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ, быстрымъ судомъ, какъ въ военное (время), и надѣюсь, что Государь мнѣ дастъ это право; когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести это гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ бумагами и наконецъ излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло,—я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше».

Князь остановился, какъ бы ожидая отвѣта.

Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многие были блѣдны.

— «Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства».

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

— «Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что-жь дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обмануть и продадутъ; но, несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудье. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще менѣе меня обвинять, (для которыхъ) я долженъ обратиться только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на (ихъ) головы».

Содроганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ покоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало лицо.

— «Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый васъ всѣхъ просить. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды. Она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже даже невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченья. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Чтó тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виновать! я, можетъ-быть, больше всѣхъ виновать; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными. Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться надмѣнностью моего обращенья, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать личностью. Не можетъ быть, чтобъ я не замѣтилъ ихъ самоотверженья и высшей любви къ добру и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ праву начальника, чѣмъ начальнику къ праву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виновать. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ

самихъ; что уже мимо законнаго управленья образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался, долженъ возстать теперь противу неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь къ вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность занимаемой должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется и мы сдѣ....»
